

ОМЕТНА

В НОМЕРЕ:

ВЕЧЕР СО СТЕАРИНОВОЙ СВЕЧОЙ

Индикатор таланта

СНОВА — «НЕВЕРОЯТНОЕ ОЗЕРО»

ТОРЕРО И ТОРО

В редакцию пришло письмо. Корреспондент «Смены» поехал в командировку и теперь рассказывает о молодом человеке, который оказался

Между прочим, где-то мы перегнули палку. Когда именно это произошло, установить невозможно. Просто факт есть факт, и инкубатор от него не денется: слишком много написано о представителях так называемых романтических профессий. Кого тут только нет! Строители электростанций и геологи, геофизики и поларники, труженники моря и золотодобытчики, добытчики алмазов... Перечень можно было бы продолжить, да не в нем дело. Дело в том, что соотношение так называемых романтиков и так называемых неромантиков приблизительно одно и то же. Это в лучшем случае... Но именно «романтическая единица» преобладает последние годы в очерках и стихах, в эстрадных песенках и радиопередачах.

Что и говорить, представители вышеперечисленных профессий — народ интересный, и писать о нем всегда выигрывают. Нравятся людям и песни типа «Там, где речка, речка Бирюса, домая лед, шумит-поет на голоса...». Так и хочется обзавестись ружьем, набить рюкзаки консервами — и «до свиданья, милый город!», прощайте, serene будни!

Некоторые так и поступают. А у некоторых не получается. И вот, пожалуйте, драма: «Дорогая редакция!

Пишет вам простой парень, каких у нас в стране много.

Живу я в Пермской области. Работая в отделении связи монтером. Свою трудовую жизнь начал с 16 лет. Окончил 8 классов. Дальше учиться не пришлось. Ввиду плохого состояния здоровья родителей. Школа у нас только восьмилетняя. И потому учиться нужно в районе. Мать зарабатывает мало. А отец не работает. Он инвалид Отечественной войны. И потому я пошел работать.

Чаще всего приходится дежурить у коммутатора. Кажется, что еще нужно тебе! Сидишь в тепле, работа легкая, незатяжная. Но не такой у нас человек, чтобы счастье его заключалось лишь в том, чтобы найти тепленькое местечко и сидеть тут всю жизнь.

Часто надежда с собой я дулаю, какую принесу людям пользу. Разве только сижу и втыкаю штепсель в отверстия. Какая от этого польза!

Знаете, мне очень хочется на стройку! Строить города или большие электростанции. Вот это была бы действительно польза людям. Чтобы, построив, ты мог гордиться, что в этом есть и твоя доля труда. Может быть, вы подумаете, что в чем же тогда дело! Осталось только поехать. И я так думаю. Взять и уехать.

Но куда денешь родителей! Ведь они меня воспитали, выучили. Какое я имею право их оставить!

Вот поэтому я и решил написать вам письмо. Просто прошу у вас совета, как мне быть. Часто вы пишете в журнале о людях, которые возводят города, заводы, строят коммунизм и светлое будущее для нашего народа. И я очень завидую им.

Дорогая редакция, скоро мне исполняется 18 лет. Годы еще небольшие, еще все впереди. Но, по-моему, с этих лет уже нужно быть полезным другим.

Собственно, можно было просто сесть и написать Николаю Косовским, простому парню, каких у нас в стране много.

Но редакция решила иначе: ведь Николай Косовских не один в стране, и что-то не заметно тенденции к уменьшению числа молодых людей, считающих, будто настоящая жизнь обшла их стороной. И потому следует поговорить о жизни не односторонне, не только в романтическом плане, а прямо, может быть, даже резко.

Нет, речь идет вовсе не о том, чтобы играть отбой! Мы считали и будем считать, что работа геологов, строителей, рыбаков, летчиков, поларников и т. д. трудна и интересна. Мы останемся и впереди приверженцами пословицы «Под лежачий камень вода не течет». Но есть, однако, и другая народная мудрость: «Где родится, там и пригодится...»

Николай Косовских родился в селе Васильевском, Ильинского района, Пермской области.

Добирался я до него в три приема. От Москвы до Перми — поездом. Это было несложно. От Перми до поселка Ильинское — на маленьком, неприятательном «АН-2». Это было уже сложнее: стояли туманы, а в таких условиях даже пилоты «АН-2» пасуют. Ну, а дальше, от Ильинского до Васильевского — на «газике», который среди прочих автомобилей то же, что в авиации «АН-2». Двадцать четыре километра, и ни на одном из них не заределось. Шофер подмигивал: «Видите, у нас почти как в Москве. Только дома пониже да асфальт пониже...»

И вот Васильевское. Окруженное со всех сторон еловыми лесами, село это для здешних мест сельдице. С пригорок сбегает вниз, к центру, пять или шесть улиц. Дома все бревенчатые, есть и два этника. В Васильевском правление колхоза, сельсовет, небольшая молокозавод, клуб, библиотека, отделение связи. На видном месте высится цер-

ковь. Она тоже деревянная, сооружена экономно, но с большим мастерством. Церковь действующая, хотя, как мне сказали, приход очень беден, и батюшка сидит на дотации у епархии.

А теперь позвольте представить вам нашего героя. Николай Косовских темноволос, худощав и строен. Он сдержан, немногословен, предпочитает слушать, что говорят другие.

В тот день, когда я приехал в Васильевское, у Николая был отгул, и я нашел его дома. Он сидел в «чистой» половине, листал иллюстрированные журналы и слушал радио. Мощный приемник был настроен на радиостанцию «Маяк», чаще других передающую эстрадную музыку. На Николая темно-зеленый свитер плотной вязки, узкие, вполне современные брюки...

Я рассказывал все это для того, чтобы яснее можно было представить картину: затерянное в лесах село, ряды покосившихся домов, распутица — и парень, которому все это, что называется, обридло и который знает, что есть другая жизнь, известная ему по журналам и радио.

Он очень смутился, когда узнал о цели моего визита: «Не стоило приезжать из-за меня одного!» Но чувствовалось, что и обрадовался: как-никак он написал, и к нему человек из Москвы приехал. Может, теперь переименит что-то в жизни... Честно говоря, мне тоже было некогда в первые часы нашего знакомства. Ведь никакие утешительные пилюли я Николаю не привез и житейских советов сразу тоже дать не мог. Словами, не очень-то хорошо чувствовалыми мной себя оба.

Теперь все это позади, мы стали с Николаем Косовских почти друзьями, и я могу сейчас говорить о нем без всяких догадок и домыслов.

Дя, все почти так же, как он написал... Действительно, отец его Иван Никитич оставил здоровье на войне. Будучи уже инвалидом, он тем не менее долго работал трактористом. Теперь уже не может. «Когда отец прощался с трактором, даже плакал. Долго плакал», — сказал мне Николай.

У матери тоже сил уже мало. Но она еще работает в полеводческой бригаде. Есть у Николая старшая сестра. Та на молокозаводе, здесь же.

Уехать и оставить семью нелегко. Парень понимает, что, если бы он решился на это, никакие театральные трагедии не произошло бы. Все было бы проще и горестней. Потому он и остался в Васильевском. Ну что ж, за это можно его только уважать. Можно ува-

Полдела

жать его и за другое. Вспомните его письмо: «Знаете, мне очень хочется на стройку! Строить города или большие электростанции. Вот это была бы действительно польза людям».

Итак, два благородных стремления дали в сумме отрицательный результат. Почему?

Уже из письма было ясно, что своей работой Косовских недоволен, хотя это, по его словам, и теплее, чем мещетко. Сиди и втыкая шпатель. Есть, правда, выходы на линию, поскольку он все-таки инженер. Оборвалась где-то связь — значит, нужно починить, спаять на столб. Бывают и командировки. С собой ведут кабельную линию от Пермь до Ильинского, так нас туда часто посылают. Народу собирается много, весело... Но чаще приходится все-таки дежурить у коммутатора.

Представьте себе небольшую комнату, а в ней на столе два ящика. Один — коммутатор, к которому подключены сотни абонентов. Другой — сельский радиопузел. И вот перед ними сидит наш герой. Ни тебе грохота бульдозеров и экскаваторов, ни света прожекторов. Тишина. Изредка зайдет кто-нибудь, спросит: «Нету мне письма!» Да зуммер мужику: «Почта! Соедините меня с колхозом «Заря»». «Заря!» Здорово, Иван Петрович! Слушай, парез нужен передняя ось для газ-шестьдесят первого. Ну, спасибо, выручил! А я тебе, если хочешь, коленавал подкину. Чтот Да какая там рыбалка! Тут победить то некогда. Ну, пока!» Или позвонит из района, спросит по поводу молока у колхоза требуют, а то на совещание кого вызывают...

Скучно Николаю оттого, что живет он, здоровый, молодой парень, о кило и подлинного дела. Отзвучи настоящей работы доносится до него лишь в виде телефонных разговоров. Вспомнил отца Николая, Ивана Никитича, пожилого человека, плакавшего при расставании с трактором, и представил себе в общих чертах его жизнь.

Ходил в промывочной толерогейке, за версту неслет от него солоны. Недоспал, когда начинался сезон полевых работ. Пекло его солнце, лупцевали дожди. Трелас себе нервы, если выходила из строя машина, а в нужной звонкости не оказывалась. И заработок был не бездельный... Казалось бы, радоваться должен человек, что все это наконец кончилось, а он — чувак! — заплакал. Почему?

Да потому, что Иван Никитич сердцем прилеп к своей работе. Косовских-старший мало учился и мало читал в своей жизни (гораздо меньше, чем сын), но он интуитивно осознавал значение своего труда — труда пахаря и

сеятеля. Спелы, которые пролил этот обычно очень сдержанный и волевой человек, можно с полным правом назвать святыми.

Что до Косовских-младшего, то он готов заплакать по другой причине — от тоски по настоящему делу. Ведь в конце концов «втыкать шпатель» с успехом могла бы какая-нибудь девушка. И Николая, естественно, потянуло на стройку, о которых он много читал и слышал.

А между тем свое стремление принести людям максимальную пользу Николаю Косовских мог бы реализовать и здесь, в своем селе. Васильевское — это не молокозавод и не отделение связи, не клуб и не магазин. Это прежде всего колхоз!

Колхоз имени Каминина образцовым нельзя назвать при самом большом желании. Земля бедные, истощенные, деревни разбросаны на многие километры друг от друга, дороги индустриальные, техника маловата. Горькая чаша забвенья [или недостаточного внимания], которая долгие годы не обходила стороной наше сельское хозяйство вообще, не обошла и родные места Николая. Много, слишком много парней его возраста распродано в разные времена с родными порогам. Один — так, как он, давнишнее стремление принести людям максимум пользы. Другие [увы, их было большинство!] пришли после недолгих раздумий к выводу, что в Васильевском «каши не сваришь», и подальше туда, где больше платят.

Это — большое прошлое колхоза, хотя и недавнее. Ну, а настоящее! В том, что Васильевское медленно, со скрипом, но «выбывает в люди». И процесс этот необратим!

В тот день, когда я пришел в Васильевское, здесь проходил заключительный семинар по экономике. Бригадир и завфермой ловко оперировали цифрами и расчетами, жарко спорили. Васильевское начинает вести свое хозяйство по-новому, научно обоснованно...

А где в это время Николая! Тут он — и вроде бы нет его. На коммутаторе, сбоку прицепа. А сестра, как было сказано, на молокозаводе. И получается, что в общем-то семья Косовских «выбывает из игры», отрывается от земли и все на глаза.

Старая колхозная гвардия постепенно уходит на покой. Быстрее, чем этого хотелось бы. Правда, приходит смена. Главной силой становятся люди типа Алевтины Русаковой, зоотехника и секретаря комсомольской организации. Легко ли ей! Живет в семи километрах от колхозного центра, мотается по деревням и по фермам когда на лошадке, а когда и пешком.

Но она не жалуется, так как чувствует себя на своем месте.

К сожалению, таких людей немного, а точнее — именно молодежи — маловато. Как пригодились бы сейчас в Васильевском руки Николая Косовских! Не в одном деле, так в другом...

— Не нравится мне сидячая работа. Двигаться надо больше, двигаться! — сказал в одном из наших разговоров Николай.

— Хотели мы его на курсы шоферов или трактористов послать, да только где ему работать потом! Опять же в колхозе...

Это сказала мне мать Николая.

Страшная вещь — инерция настроений! Да, в Васильевском было несладко на протяжении многих лет. Теперь положение изменилось, но люди еще живут под впечатлением прошлого. Вот и в семье Косовских распустили, что Коле лучше быть где-нибудь «околом», иметь трудовую книжку рабочего, а не колхозника.

Между тем такие васильевские стали сегодня в стране участком номер один. Никакой прогрессивной мысли, прогрессивные. Теперь все это ушли. Отошли в прошлое каманины — весной пошутили, к осени затихли... Забывать о сегодняшнем и завтрашнем дне села начинають везер.

Виктор Лабутин, секретарь Ильинского района комсомола, с грустью рассказывал мне, что он сравнил два статистических справочника и обнаружил: за неполных сорок лет число жителей в деревнях района сократилось где в два, где в четыре раза. Печальная статистика! Но я уверен, что пройдет лет пятьдесят — двадцать, и тот людской урон, который понесла наша деревня, будет восполнен. Сейчас читайте газетные сообщения и радуйтесь: то

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

1921

ОКТЕБРЬ 1965

Год издания сорон второй Выходит два раза в месяц

там, то тут выпускники сельских школ решают остаться всем классом на своей земле. И это — качественно новое пополнение. Образованно! Конечно, нельзя давать волю фантазии и воображать, будто через пару лет деревня изменится настолько, что ее и не узнаешь. Придти в Васильевском на смену жидкому асфальту — настоящей! Вряд ли. Будут ли живописно ходить в белых халатах? Сомневаюся. Появятся ли в Васильевском театр, ресторан или Дом моделей? Наверное, тоже исключено.

Что же будет? А вот что. Будет больше техники и удобрений. Урожай станут стабильными. Люди начнут зарабатывать не меньше, чем высококвалифицированные рабочие на предприятиях. И построек много. И среди прочих зданий, думается мне, мы сможем увидеть молодежную кафе, где по вечерам будет играть самодельный джаз, и Дом культуры, где поставят «Гамлет»...

Это вовсе не фантазия. В Васильевском уже сейчас есть крепкий и многочисленный коллектив художественной самодеятельности (Николай Косовских тоже в нем участвует), и ребята ставят даже танцы эстрады, как «Бедность» не пороки Островского. Для постановки «Гамлета» не хватает лишь хорошей сцены, но она со временем обязательно появится. Что касается молодежного кафе... Ну, вот вам такой случай. Недавно отметили 18-летие нашего героя. Парни и девушки решили сделать своему товарищу приятное. Устроили складчину. Острым углом украсили клуб, приготовили подарки, накрыли столы.

— Здорово было! На всю жизнь запомню этот свой день рождения, — убежденно сказал мне Николай.

Разве в этом нет зачатка тех молодежных кафе, что уже существуют в городах? Дело опять-таки лишь за помещением, где бы молодые колхозники могли собраться по вечерам, чтобы выпить чашку кофе, посмотреть телевизионную передачу...

Кстати, о телевидении. Даже сейчас в Васильевском около тридцати телевизионных антенн. Тамара Лобанова, заведующая клубом, жалуется, что из-за телевидения меньше народу стало ходить в кино. Однако жалуется и местный поэт: дела черныш с появлением телевизоров пошли совсем худо...

Так что не такой уж это «медвежий угол» — село Васильевское.

— Вечером я был на репетиции в клубе и собрался уже выйти было, когда ко мне подошла Алатинка Русакова:

— Не могли бы вы остаться поговорить с нашими ребятами!

— С удовольствием. А о чем!

— Ну, о Москве да и вообще...

Почему и в самом деле спрашивали обычно: что идет в театры, видел ли в космодроме, придет ли Робертно (в Москве о нем уже забыли, а тут помнят). Потом прямо спросили:

Зачем вы приехали!

Мне не хотелось говорить, и в то же время обманывать их было незачем. Объяснил, как мог: дескать, один ваш товарищ прислал письмо. Он хороший парень и хочет принести людям максимальную пользу, а тут, ему кажется, он занят ничем иным...

— Косовских! — сообразили сразу несколько человек.

— Да...

— Понятно...

Вы бы слышали, как было сказано это слово!

Николай, сидевший тут же, опустил голову. Этих словечных «клятвоприместий» было сказано приблизительно следующее: «Да, у нас тут, конечно, не Москва и даже не Пермь. Мы стараемся скрыть свои будни, но жизнь все-таки бедновата еще. Не мудрено, что Николаю не сидится в Васильевском. Но все-таки как же так!»

И все. Ни вопроса ко мне, ни разговоров о Николае больше не было: здесь люди удивительно деликатны, если человек смущен душой.

Как сложится жизнь Косовских-младшего дальше? Трудно сказать. Он не из тех, что остаются только на популту, и письмо его в журнал — лишь предвестник решительного шага.

Но хочется верить, что этот шаг он сделает в пределах родного села. Именно тут он нужен, чем где бы то ни было. Именно тут.

Николай КАРПОВ

Суббота

Белым флагом вьются простыни, чисты: дома словно сдуются на чистоту чистоты.

И танет мастиковой, сверкает угли. Окончен стирка, натирают поля.

И чистые детинши в мохнатых простынях переливаются книжки, а мамы в дверях

все что то ворочают и трясут половник, и красивые, рабочие руки у них.

И стало больше воздуха под небом рабым. И отливает простыни чуть-чуть голубым.

Мне кажется, что ты ровная, мне кажется, ты спокойная, доверчивая и скромная, ароматом полей настоянная.

Разреш мне взять тебя за руку, разреш мне вести тебя за руку, на луга серебристые, росные у далекого города Рослава.

За синими-синими чащами там очень много хорошего. Разреш мне вести тебя в прошлое, если нельзя в настоящее.

Мы отравимся детской тропинкою, от травников кошенных колком. Ты снова станешь Иринушкой, а я соответственно — Колюшкой.

Мы забудем терзания взрослые — ошущаю что-то трезвого. У далекого города Рослава возможно все невозможное...

Разговор с богом

Бог меня и себе пригласил. И парим мы с ним между звездами. Пляшут галактики, как карнасы, и висят созвездия над грядками.

И я говорю ему: — Бог, а Бог, если бы имел ты совесть, ты бы мне хоть немного помог преодолеть невесомость.

Я не чувствую ни руч, ни ног, и снова зову на помощь Бога, и снова прошу: — Ты бы мне помог — я тебе помолось немного...

И Бог подлетел. Он, как дед, седой, и как у дедушки, щетина колется, и беззубо прощанкал, трясся головой: — Мне давно уж никто не молится. И жаль мне его: ему столько лет! Что-то с ним приключится завтра! И я говорю ему: — Дед, а дед, шел бы ты в космонавты!

Космос тебе словно дом родной. От тебя ничего не требуют, кроме как болтаться где-нибудь под Луной и сплунуть диспетчером при космодроме.

И у бога печаль исчезла из глаз. Он жадно воспринял идею эту. И полетел — только пыль вздымалась — на космодром заполнять анкету...

Рисунки В. АРОНИНА

Солеросы

Есть растения солеросы — стебли, втянутые в песок. По утрам они пьют не росы, а подземный соленый сок.

А мне кажется, солеросы не растения, а скорей закодированные матросы испарившихся здесь морей.

С поверхности зеленоватые, похожие на траву, бело-синие, полосатые по признаванию, по существу!

Все им чудится и мерещится не застывший кругом песок — море дымится, море плещется и смарывает волне юг.

Над седоющими солеросами наклоняются небеса, как над преданными матросам белоснежные парусы.

ПЯТНА ДЕСЯТЬ У НИКОЛАЯ ОСТРОВСКОГО

Михаил ЗЛАТОГОРОВ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СТАРОГО «СМЕНОВЦА»

большой приятель «Смены», один из ее старейших читателей. Всегда буду рад выполнить ваше поручение», — сказано в одном из писем Николая Островского 1935 года.

Шли кутерьма, размахистые, пыльные мероприятия градуемых бур тридцатые годы. Редакция «Смены» помещалась некоторое время в одном здании с «Комсомольской правдой» — в Малом Черкасском переулке. Все одно комната была у нас — как раз напротив входной двери, откуда в две стороны уходил знаменитый коридор «Комсомолки», видневший Маяковского.

Журнал, как и газета, жил большими заботами страны и страстно выиска в дела литературные. Одна из первых статей о романе «Как закалялась сталь» (не сразу, к слову сказать, оцененного литературной критикой) была напечатана в «Смене». И мы, «сменовцы», этим гордились.

Отрывки из первых глав романа «Рожденные бури» появились в газетах в апреле 1935 года. Удавалось живое, антифашистское звучание булавкой книги. Против общего классового врага дружно выступали в романе украинцы и поляки, русские и чехи. Отцы и дети шли на борьбу в едином революционном строю.

Я обменялся с Николаем Алексеевичем несколькими письмами и телеграммами. «Смена» была обещан отрывок из «Рожденных бурей» (начало романа уже печаталось в «Молодой гвардии»).

Когда в конце 1935 года Островский переехал из Сочи в Москву, мы напомнили ему об этом общении.

И вот в один из серых московских зимних денечков, то ли в конце января, то ли в начале февраля 1936 года, в редакции «Смены» раздался телефонный звонок. Нетерпим, но живой, внятный голос прозвучал в трубку: — Приходите сегодня вечером. — В квартире было светло и тепло. Почти одно-

временно со мной навестит Островского пришла группа студентов из Харькова, кажется, из Коммунистического института журналистики. И кто-то уже сидел в комнате Николая Алексеевича.

Меня попросили чуточку подождать. Видно было, что и вечерние часы у хозяина квартиры строго распределены. А ведь он в те дни с утра напряженно работал: изучал архивные материалы о военных событиях 1920 года, диктовал новые главы...

Сначала мы говорили о журнале. Не выпуская мою руку из своей чуть влажной ладони, Островский деловито, напористо расширяла о «Смене»: какой тираж, как иллюстрировал, много ли подписчиков из рабочей молодежи. Помню, он заинтересовался, когда я сказал, что при «Смене» организовано и работает литературное объединение.

К слову сказать, в этом объединении начинал свой литературный путь такие молодые писатели и поэты, как Дмитрий Кедрин, Иван Меньшиков, Вадим Коженников, С. В. Смирнов, А. Ойсенкер, В. Замитин.

Кружок при «Смене» соревновался с таким же молодежным «кружком при «Огоньке», где часто собирались Ярослав Смеляков, Маргарита Алигер, Евгений Домоатовский, Исаак Зарубин (погибший потом на фронте). Из «сменовцев» погиб на фронте рабочий-поэт Евгений Абрамов — его имя написано золотом на мемориальной доске в Центральном Доме литераторов.

Островский спрашивал: — Молодые? Печатаются уже? Писатели с опытом помогают им?

За этим распросами чувствовалось не только желание поконкретнее узнать о жизни одного из литературных кружков Москвы, но и живая заинтересованность в делах всей литературы, в росте молодых талантов.

На письменном столе у стены лежала отпечатанная на машинке рукопись.

— Найди страницу шестнадцатую... — сказал Островский, незаметно переходя на «ты». — Нашел? Второй абзац сверху: «Слабоствала гурта... Она бросала в огонь лесной мельницы злобы смерти. Шатала столбы дубы...» Так! — Ноги Островского укрыты падлом. Худое, смуглое, удлиненное лицо четко бежит на подушке, невнятные глаза строго смотрят вперед. — Теперь ладно, да страницы тридцать первой. — Он сделала паузу, прислушиваясь к шороху листов. — Кончатся словами: «У подвала на конях остался лишь трое: Раймонд, Птаха и Пшеничек». Вот это будет для вас. Подаривай листы. Аккуратнее. Теперь возьми скрепку — из коробочки слева от прибора. Скрепка!

Ах сих пор не могу позабить, как поразил меня эти осмотрительность, пунктуальность, точность.

И вдруг заговорил совсем о другом: — А ты пришла ко мне в необлагоденный день у меня праздник. Ты посмотри, что я сегодня получила.

Островский велел мне взять в руки маленькую книжечку, лежащую на столе у кровати. До этой минуты я не обращала на нее внимания. Это была военный билет. В главу бросился не много расплывчатый штамп со словами: «Полицейское управление РККА».

Написал Клименту Ефремовичу, чтобы взял на военный учет. Я ведь всегда была военным человеком. И вот зависала. Какая это радость, понимаешь!

На груди Островского лежала тоненькая папочка, обмотанная на конце марлей. Можно было догадаться, что этой марлей стирался пот с большого смуглого лба, под которым день и ночь свершалась работа мысли. Руки его не могли держать винтовку, и его оружием оставалась теперь только мысль — мысль, помыленная на чувстве.

— Нет, братишка, большего счастья, чем быть в строю. Знаю это на всю жизнь.

В тот мордрый, серый — шел дождь пополам со снегом — московский день Островский с прекрасной, чистой гордостью принял новое воинское звание — бригадный комиссар. «Род войск... знано-учетная специальность номер 11. Литератор — Военный корреспондент».

Я вспомнил об этом эпизоде недавно, в той же квартире на улице Горького, ставшей Музеем Николая Островского.

В одной из комнат музея шло выездное заседание бюро комсомольской организации подмосковного города Мытищи. Принимали в ряды комсомола лучших из юных пионеров — детей машиностроителей, химиков, железнодорожников.

...Вот они встали, отвечают на вопросы. Из зорь Боря, Тая, Сефрежа, Володя, Света. Белые кофточки, школьные куртки, алые галстуки. Все они такие податливые, праздничные. И толково, грамотно отвечают; знают устав, в курсе международных событий, звонко могут гордиться своими школьными успехами.

Мне захотелось рассказать этим сегодняшним подросткам об изученном в боях удивительном человеке, который, почти умирая, торжественно и сияя в тот день, когда армия снова зачисляла его в свои ряды.

И звучит в сердце слова: — Нет большего счастья, чем быть в строю.

СС СР

ВОЕННЫЙ БИЛЕТ
АЛФА ВАХАЛЫСТВИЩЕГО СОСТАВА
ВАХАСА РККА

Островский
Николай
Александрович

Выдан **ПОЛКОВОМУ КОМАНДИРУ**
ЗРЯБИЦКОМУ РККА

Родился **29. Вентрля. 1904 г.**

Обязан состоять на учете **по 31 декабря 1941 г.**

Социальное положение *Рабочий*

1. Учетные позывная

1. Состав *Политический*

2. Группа *Войсковая*

3. Разряд учета *№ 5*

4. Род войск (род службы) *Кавалерия (подполковник)*

5. *Специальность (политическая)*

6. *Вспомогательный — Военный Корреспондент (политический)*

Отшумел рабочий день. Вечернее небо над Амурском прочертили матовые пунктиры уличных фонарей. Затеплились окна общежитий, школы рабочей молодежи, ветерок с Амура донес нестройный хор одосов. Словом, началась та часть жизни обитателей юного города, которая именуется свободным временем. Давайте и мы познакомимся с теми, кто населяет этот город — молодыми строителями гасинского целлюлозно-бумажного комбината. Молодой дальневосточный писатель Юрий Леонов и наш фотокорреспондент Сергей Петрухин каждый по-своему и в разное время взглянули на этих людей и по-своему рассказали о них.

Здесь замечательная особенность — в самое неподходящее время. Так же, кстати, как у водопроводного крана, который перестает подавать воду именно тогда, когда ты стоишь с вымытой шеей. Но вода прекратила эти шалости, как только на берегу Амура достроили очистные сооружения. А лампочки по-прежнему гаснут, едва я беру в руки книгу. Что они имеют против самообразования, абсолютно неясно.

Сегодня это случилось в девятом часу вечера. Я хлопнул о стол «Роман-газетой» и пошел «искать свет» по длинному коридору общежития.

Погасив свет пресек все эти козни. Бытсовет, правда, успел сделать скандалистам несколько последних предупредений. Кивомеханик немедленно переключая в другой корпус. Зато часы хорового кружка, столпившись в коридоре, нестройным речитативом поминали коммунальных работников. Так уж ведется: чуть что — отводи душу на домоуправу. Они люди закаленные.

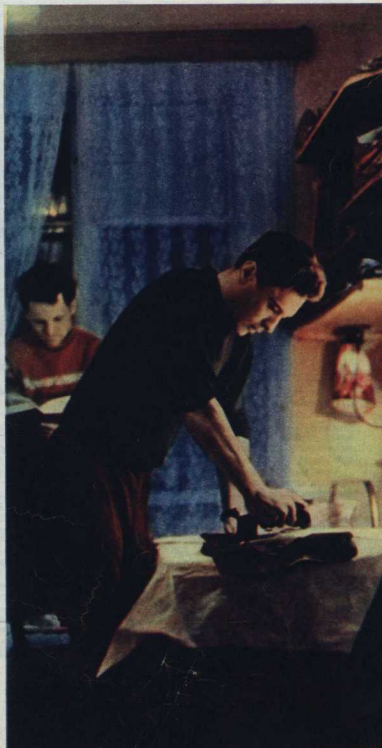
Дом наш велик. И народу в него стелалось на ударицу комсомольску со всех концов. Интересно слушать, идя в полумраке, голоса встречаемых, знакомых и незнакомых. Покаяние новгородца отличать от мягкой речи украинки, гортанный говор дагестанца от выразительных согласных латышей. Главный коридор — как портовая улица. Только вместо

СО СТЕАРИНОВОЙ СВЕЧОЙ

Среда — день суетный. Школа, заочные техникумы, разного рода курсы даруют ученикам в этот вечер свободу. И на нее, свято и беззащитную, тут же организуют массовые покупки бытсовет, санкомиссия, дружина, флегматичный кино-механик и прочая номенклатурная общечественность.

моря здесь пахнет жареной картошкой.

По лестничным клеткам заполошно бегают электрики. Беда, когда в доме много электриков. У них обязательно обнаружится десять точек зрения на характер повреждения, и каждый считает своим святым долгом тут же взять в руки отвертку, открыть за-

мок на распределительном щите и приступить к действию. Я подозреваю, что если бы из нашего общежития выселить всех эрудитов в области энергетике, то свет горел бы без перебоев.

Янис Старо, коренастый латыш в ослепительно-белом свитере, тоже торопится по лестнице. Как камешнику, я бы доверил ему любую кладку. Как чашку горюшка комсомольца — проводил бы любую мероприятие. Но он же рвался наверх наверняка не за сбором членских взносов!

— Янис, и ты!

— Он останавливается.

— Понимаешь, эти чертвы логарифмы...

— А-а,— обещающе вздыхая я.— Если к Маймуну, то идем вместе...

В угловой комнате с окном, промерзшим до самого верха, горела свеча. Хозяин, лобастый, с хитроватым привкусом, Гена, пригласив к ней почти вполноту, одолевая толстенный том «Писатели о науке».

Больше в комнате никого не было. Я даже в угол заглянул — никого. Очень странно. У Маймины — и ядуго никого. Впрочем, своим приездом мы устранили это недоразумение. На столе появилась логарифмическая линейка, бумага, а в дверях — Людмила Александровна. Это воспитательница наша. В ее обязанности, между прочим, входит и весьма неприятная. По утрам, согласно чрезвычайному указанию комendantин, она оказывает помощь всем, кто не в силах перебороть сон в одиночку. Обычно это происходит по поведенческим. Голос у нее «тихий». Когда она будет какой-нибудь собою на первом этаже, на третьем соскакивают с кровати.

Людмила Александровна увидела Старо и мягко походкой охотницы на пернатую дичь зашла к нему сюда.

— Янис,— постаралась сказать она шепотом.

— Янис вздрогнул.

— Как хорошо, что вы здесь! Мы как раз вметали...— Людмила Александровна зашуршала бумагами.

— Здесь же тангенс! — воскликнула Гена.— Чуднейшее...

Минуты две Янис разрывался надвое между системой логарифмов и планами мероприятий по первому корпусу шестого общежития. Потом общественные интересы взяли верх.

— А что такое «торговые баян»?

— Все девочки придут в ситчихках в горошек. Ну, а ребята, конечно, без горошка.

— Тоже в ситчихках?

— Ясное дело! — поддержала Гена,— мужская пальчатка наша.

— Да ну вас... Я серьезно. Вот с турниром по настольному теннису тоже неввязка. Стол заказали, комнату отводили для игр, а ее хотят забрать под парачную.

Пусть не выдумывают,— раздалось с порога.— Там ни воды, ни канализации. И распределительный щит стоит. Нашли место для стирки! Хозяйка комнаты настроена воинственно. Она только что сражалась с появившимся зябтовом за электродаму, и яркий полемический румянец еще горит на ее щеках.

— Наверное, фаза ода сторела,— говорит она.— Вызвали дежурного.

Да, я забыла представить. Желу Генявки зовут Галина. Она тоже воспитательница, но отчество к ней плохо идет по молодости лет.

Пари из общежития трудно приважили к такому должностному несоответствию. Подкатит, бывало, к Галине в красном угловат какад-ябуду-забынная голова и ну рассматривает перед ней медким бесом:

— Ах, в какой комнате живут такие девушки? Мы с вами очень похожи... Вы воспитательница! Да вы! — Садует провинительная улыбка.— А я индийский раджа. И папа раджа был. Не верите!...

Потом «раджа» изрядное время предпочитает не показываться воспитательнице на глаза. Стыдно все-таки так обвиняются.

Маймины прислали из Омска. Сначала послали на разведку главу семьи. Месяца три он бетонировал фундаменты, месил грязь резиновыми сапогами, глотал комаров. Потом напился обстоятельное доведение: «Город обещает быть очень красивым. Слабожирное короец. А с жильем тутю пока. Перебьемся!»

И поехала в Амурску мама с Андришкой — вполне самостоятельным человеком. К тому времени у него уже начивали прорезываться передние зубы, и он пробовал жевать на прочность все — от напильных карандашей до маминной губной помады. Мама ласково звала его «мой касатик», папа — «мой короле».

Так продолжалось до первых морозов. Мама стала воспитателем. Папу избрали секретарем комитета комсомола одного из стройуправлений. И оба поступили учиться на вечерние курсы по подготовке специалистов для будущего самого крупного на Дальнем Востоке целлюлозно-кагитного комбината. Времена на домашние заботы стало оставаться совсем мало. И Андришку пришлось отправить к бабушке.

Без него комната с аккуратно заправленной детской кроваткой кажется пустоватой. Глухой резиновый жигр, что стоит на подоконнике, тоже оказался не у дел. Только изредка подойдет к нему Галина и, глядя куда-то мимо, покрутит длинное птичье ухо. Наверное, думает об Андришке. А может быть, о том, что в 158-й комнате опять была пыляка и надо принимать меры!

Метнулось и затрещало пламя свечи. Сосед Миша пришел с задачей за восьмой класс. Лицо у него довольно выцветшее, мола, выж невините, дело несложное, но что-то пахнет варит голова к концу дня.

Условие уместилось в пять строк, неизвестных всего два — в общем, судий пустяк, а не задача. Гена берет ручку, молниеносно набрасывает единственно правильное решение, заглядывает в ответ и удавлено провозносит:

— Хм...

Янис подбегает условие к себе и в стол же бистательном стиле прикладывает к своему единственно справедливому итогу.

— Хм...— доводится немного по года.

Оба пожимают плечами, давая понять, что этот прецедент не имеет себе подобных, и бросаются на бумагу с удвоенной энергией. Попыскивают от натуры перья.

На морозных узорах стекла играет отблеск огня. Стройка живет и ночью. Ворчанье моторов то умолкает, то возникает вновь. Если выгладывать сейчас в форточку, навоара будущего комбината в синих сполохах электросварки будет видна, как на ладони. И террасы огней многоквартирных зданий, взбирающихся на сопку. И вечная ее игла телевышки с нукетиром красных сигналов. И за излучинами заснеженного Амура — мерцающая затерянная зимовья.

Далеко вдали отсюда, если выгладывать в форточку. Только не хочется. Холодно очень на улице и ветрено. Как там сегодня ребята управляют на объектах!

Генка вчера у древесно-подготовительного цеха опустился и попал в воду. Домой не вернулся переобуться, решил: ничего страшного. А сегодня ноги ломит. Сидит, крестится, лоб морщит.

— Хм...— озадаченно доносится из-за стола в два голоса.

— Вот и я говорю,— приободряется Миша.— Вроде бы все просто, а не дается.

Видно, на этот раз без моей помощи не обойтись. Я беголо проверю, не забыла ли за долгие годы табличку умножения, и анхо пишу на бумаге: X—У—...

Янис смотрит на часы. Что у него еще сегодня— дежурство или какой-нибудь рейд? Не слишком ли много для одного безотказного человека: бюро, дружина, бытсовет? А ведь он

еще заочник, и лишь три месяца, как стал мужем обаятельной и терпеливой Маринки.

На безымянном пальце Яниса рядом с обручальным кольцом сияет ссадина. Наверняка на их участок опять привозили бракованный раствор, и приходилось выковыривать гальки из-под кирпичей. Второй месяц вояют с бетонным ужом. А с механизаторами только вчера кончили— маааааа им край.

Ушли в обход своих «владений» Людмила Александровна и Галина. Тихо стало. Несмывно капают к ногам жирафа горячие стерляновые слезы. Листы испиванной бумаги в беспорядке разбросаны по столу.

Гаянула на наши насупленные лица новая гостья— стройная и неселоглазая Ленка— и рассмеялась.

— Что делаете, заговорщики?
— Себя казим.

— Куда посуду поставят?
Разокадиберную эту утварь браала Лена у Маймывых на свое स्वाдьбу. Справалаа ее под Новый год небольшого компанией друзей. Колючегоний обещейский стол не ломился от яств. Но разве веселые зависит от седи, когда и Лене и женику ее чубатому Гелкс-бетониву — нет еде и двадцати, и стройка эта для них первая? Разве кто упрекнет, что перед торжеством гости приносили в их комнату свою посуду?

— А вижу пирожки продают. Гореще. С картошкой.

— О-о! — тихо простонала за столом.

— Лена, благодетельница ты наша...
— Адаю уж, поданы. Сколько вам купити?

И упалага козой.
...Мы жуем пирожки, но задача все равно не выходит. Просто какое-то закладые.

Заглянула на огонек черноглазая Каал Остроумова.

— Туда у вас нет?

— Ащо сияет. Квартиру дали. С газом, с ванной. Завтра переезжают. Ноги на месте не стоят — столько Аел.

А у вас — задача... А Каал по неосторожности вузовский значок на кофточке носит. Нам бы вежкодушно отпустить ее, но Гена за руку оставовна и спрашивает, знает ли она, что ей нужно для полноты счастья. Нет, не знает.

Найти решение, над которым быются лучшие умы человечества.

Быстро-быстро побежала из-под пера дочка уравнений. Ободяющий кивок головы — и нет Каал. Для нее сегодня эта свечка посядана. В новом крупнопалатном наверхивии не гаснет свет ни по средам, ни по четвергам.

Мы торпавно расшифровываем печочку и дружно произносим:

— Гм...

— Проверим еще и еще раз. Нет, это уже сашком! Наверняка составтели что-то напутали в ответе. Математики — народ рассейный. Каждому известно. Эта догадка разом облучает наши души.

Явкс уходит первым. А через пять минут вырывается снова с искомым ответом такой торжествующий, словно нашла его он сам, а не жена, окончившая в прошлом году олимпиаду классов.

— Ай да Марика! Ну и молодец! Над нашими головами мигнула и ровным светом загорелась лампочка. Это Галина, не дожидавшись дежурного, разыскала-таки специалиста в одной из соседних корпусов. Тот проверил систему. Все оказалось в порядке, кроме небольшого «лю». Выключил рубильник кто-то из «звантозавб», устранил помеху, а включить забыл.

Что бы мы делали без женщин! — пропихиваю в трезек убежденный холостяк Минша.

Среда подохлада к кощу. На лестничных площадках в почетных карулах охраняла тишину пара. Все они наверхина были недоволями, что исправная закритичество. Смазливая с бровей сетью изморозь, возвращающаяся с холода и ветра рабочие второй смены. Эти, наоборот, только и мечтали отогреться стаканом горячего ча. Куда их ни кинь — дадыктивка.

Я не дочтала «Роман-газету», но зато переиснувала еще одну страничку непреднадуманной жизни нашего большого мира. И кто знает, что интереснее...

Хабаровский край.
Амурск.

Виктор ЛИХОНОСОВ

Рисунок В. ЮДИНА

ПАСКАЗ

Когда ехал я с юга, с дремного Кавказского побережья. Джанхот был прекрасен, горяч и шумен, но весь месяц я чего-то томился, мечтал о другом. Я устал от жары и людей, от неожиданно свежих вечеров, когда по-над морем или в мустах белят мужские рубашки, из дома отдала слышна музыка, берег тенист и звучен от волн, а море плоско поблескивает, заполняет собой все пространство, звезды колыбят над горизонтом, и ты смотришь, думаешь, и кого-то тебе надо бы радом...

После моря и заслоняющих гор хотелось прохлады, темноватой дневной зелени, речек, широты и далекости ровных русских полей. Изредка приспаясь в поезде, покуривая и выглядывая с полки в узкую створку окна, я мысленно вспоминал Джанхот и видел дачу Короленько, узкий гальковый берег, высокую дорожку наверх и прозрачное марево в турецкой стороне. И еще Люсю, робкую девушку, очень милонидную и нежную, всю точно ленную в своей нежности, в свободно опущенных, тонких и гибких, как прутья, руках, во взгляде, в том, как она шла по жару с купания и словно чувствовала мой взгляд на себе и знала, что я завтра уеду и можем больше не встретиться.

— Уазмашь! — сказала она, когда я попался ей у ворот. — Куда?

— Далеко, — ответил я.

— Ну что ж... — взглянула она обидчиво. — Счастливо.

«Не обижайся», — хотел сказать я.

Вечером за Россочью мне долго не отпустили с какой-то маленькой станции. Я ехал в послед-

нем вагоне. Весь я был настроен на одно, и то, что жило и шумело под боком, не задевало меня, не занимало, как прежде, а всякие голубы полустанки, вид оставшихся за вагоном окрестностей, темное поле под откосом, его запах, чувство необозримого в засыпающей густоте ночи простора и песни из репродуктора в палатонские близки и тонко отсылавало во мне. Откуда вдруг приходит такое? Откуда приходит стеснительное чувство любви к жизни, к ожиданию редких мгновений и прозрений, тихим местам? Пели на русский манер — протяжно, с тоской и что-то народное, местное, и пели так, что поневоле уадились перед собой речку, вечер, чуть видные дома, колны и все полево, деревенское, зовущее...

В конце второй ночи я застал прохладный рассвет. Лунан белыми клочьями вслушал над водой, и было похоже, что речка дышит со дня паром. Стукнулся и пролетел мосток.

— Подъезжаем, — сказал кто-то спронуки.

Когда же я снова проснулся в вагоне! Когда же я сойду на рязанской станции и, уже что-то перемишавший, в чем-то перемишавший, вспоминая и тот август и себя! Когда!

Снится мне этот простой двухэтажный вокзал и древний пыльный город, где я в босоножках, в пидачке и с саквояжем бродил до обеда по улицам, смотрел, спрашивал и по-детски удивлялся, как все привыкло и не замечают, не волнуются вместе со мной. Вот над речкой, над пристанью, легкие главы собора, спуск, женщины после базара, их разговоры и мой восторг, мое нетерпение услышать почему-то старую рязанскую речь, песни, увидеть такое, чего нет и не может быть где-то. Каким я тогда был! Таким больше не быть, и, верно, но не переживу я теперь, не так буду

оглядываться, не постараясь вызвать в себе каких-то совершенно особых, непритворных, но обожаемых чувств! И что же будет, чему полюбоюсь, чем увидит меня жизнь уже в мои скорые тридцать лет?

Я сразу притих, сосредоточился и ждал, ждал чего-то.

На пристани я читал расписание, и старорусские названия остановок тоже бередили мне сердце. Непоспорно было все, и долго потом вспоминал я день на пристани и всякий раз затихал душой. Я тогда ни на минуту не забывал, куда еду, и все как нарочно совпадало с моим настроением. И вот уже опять август, нестро выстилается полевые дороги, а я все еще не могу собраться в путь, через столько лет, хотя и не века же прошли с тех пор, но все равно — кажется, что и не со мной это было.

Тот день выдался хмарным. После обеда приступил дождь, заволакивая берега, собор и поклажи Оки, отсюда подчиндали катер. Женщины сначала галдели, закусывали, а к приходу катера скучно томилась под крышей в проходе и накланная погоду. Куда-то им надо было, где-то ютились их деревни, и дома их ждали, и всем им было привычно. А мне было все ново, ничто меня не встречал, не к кому идти ночевать, и я этому радовался, гадая о деревне, о себе в ней. Почему-то виделась она мне без огня, с густыми деревьями и старинным укладом, чудились отъезды пени, таксе, как вчера на станции.

Уж не подумано я об этом теперь, и только чувства, наверное, вернутся, напомнятся, нежданно найдут настроение.

От пристани катер отошел после дождя. Небю не успело проясниться, Ока кружила на виду ку-

полов, и вскоре купола отделились, присели к земле. Я сидел на палубе, раскинул руки по спине на скамейки, оглядывался на повороты, на лодки, на колпы по самому берегу. Я глядел на незнакомые окрестности, о которых до сего времени только слышал, и думал о прошлом. Ока все кружила и кружила, потом вдруг всплеснула радугой, стиски лугами, ни пристаней, ни колпов, ни себя, ни редких ночных огней и домишек на косогоре, где мы сворачивали перед тем, как пристать на место.

Как хочется вернуться той же дорогой! Вот уже вижу причал в Коростове, на полуити. Вижу безлюдный высокий берег, телят и лужи подале. Вижу плавный сельский вечер с ответами по окошкам, парня, который минуту назад прошался со мной, складывал гармонию и предвкушал встречу и выпивку. Я тогда мало подумал о встречах девчат, поболтать, потискать и пойти дальше, забыть навсегда. Плечистый, насмешливый, он только что сидел со мной рядом, играл и громко распевал, вел себя так, будто все ему приходилось соседями, как всем обращался небрежно и просто:

— Дед! Тебе помирять пора, а ты в чутышку заглядываешь!
— Что, тетка, смотришь, породниться хочешь!
— Да-а, уж с тобой не приведи, намешавшись от тебя, сама потов стонешь, пока отпустишь.

— Девушк! — спросил он у меня.
— В Константиново.
— Живешь там, — подморгуя, — или к бабе?
— Нет, просто...
— А-а... О чем все думаешь! О девушке! — ска-

зал он и растянуч гармонь, забил меня. — Угадал! — спросил погода.

— Нет, — сказал я и подумал о своем.
— Брось скрывать! — обнял меня парень и потрел за плечо.

Было порой странно приглядываться к полупичкам и откровенно думать об их судьбе, все время томась своим, не осуждая их, а только понимая, что уже завтра они забудут меня, как забыл бы их и я в другие дни, а теперь нет, потому что я плавлю по этим местам, и все застревает во мне, все какется иным.

Женщины изредка поглядывали на нас.
— Не узнаешь! — спросил парень одну. — Не узнаешь меня!

Женщина уставилась на него.
— А я тебя помню, — сказал парень.
— Откуда ты помнишь!
— Ты ж в Костине жнешь?
— Ну!
— Дядя Ваню Бодагыня знаешь!
— А как же!
— Я ему зятем приходился.
— Да ну ары-то!
— Клянусь! Святая икона, крест во все лузо, чтобы мне счастья не было!
— Помер дядя Ваня.
— Когда!
— Порядком уже. Сорок дней справил.
— Ну так! — отложил парень гармонию. — Какой мастер был! Что пеньку сказал, что дом поставить. А выпить или песню спеть — и не ходи к галделке. Помер, значит, Жалко.
— Так ты почему его знаешь!
— Дядя Ваню-то не зная! Говорю тебе: за его дочкой узнавал.

— Ох, врать-то, ох, врать!
— Да ты что, тетя? Дядя Ваню не зная, ну ты деваш! Богданю-то, а! Ну ты отмолила! Да его тут, если хочешь, все зная. Я уж и не вспомню были ли у нас еще такие пасельники. Да и вообще: что пенку склать, что дом поставить. А выпить — уж и молчу. И не ходи к гадалке.
— То-то что. Пьянужка он был правильный.
— Пил и дело знал и в любой компании своей быль это что русские, там, народные, что эти оперные — накусты!
— Талант.
— Какой талант!
Он замолчал, потом повернулся ко мне, коснулся моих волос.

— Случай, друг, — сказал я — А ты не скажешь: здесь есть еще кто-то из Есенина?
— Здесь? Затруднюсь сказать. Я признаюсь тебе, этим делом мало увлекаюсь. От кого-то я слышал, погоди... от кого же... Эх, бабы! — крикнул он женщинам. — Кто тут у нас Есенина живым видел?

— Это в Константинове надо спросить, их там много.
— Верно, друг. На месте спросишь. Пока мне сходить надо. Может, еще доведется встретиться.

Он пробрался по скодам, поднялся на бугор и уже загревал запел и армянские ким-то перекриковались. Женщины с лапулы провожали его веселыми взглядами. Пора наступила закатная, туман распустился, но солнца не выдилось — день померк. Катер развернулся, ларень помалом мне, и я промчал, как никогда-никогда уже не увяжу и его, ничего не узнаю о нем. Трудно представить судьбу пушников того, получается на своей ладе, это и здорово — встречается, тут же жать руки и потом через столько лет влюбваться, гадать о мелкнущих, все еще не привыкая к мысли, что жизнь редко сводит нас носовым.

Дорожное, оно всегда — неоскученное, всегда только с намеками и полукротковенными, и оно зачастую памятное постонного и разгаданного. Его стареешь вернуть. Ту бы дорогу свою, такой же вечер. Ту бы женщину увидеть, ведь она едет... И там ли?

Я шел с него ночью от пристани, а на лапуле она была среди теток, и я слышал ее голос после моего разговора со стариком, когда она стала вспоминать всякие случаи из жизни деревни.
Старик тогда подошел к поручкам и громко спросил меня:

— Есениным, значит, интересуешься?
Я обернулся. Неопытный, волостный, с крошечки в борде, он был похож на нищего, какой немало бродило после войны по базарам и базам, на все природные поводы. Лицо его было блонно-желтое, испитое, и пахло от него ванилью, он добрыми невыспавшимися глазами посмотрел на меня с теплотой и тем приторным загадочным молчанием, на которое способен чаще всего пьяный.

— Да! Дим, на счастье лапул мен! — сказал старик и грустно, но театралью повел головой.
Узнавшийся, я тогда не обратил на это внимания.

Я смутился. Давно не встречались опустившиеся люди, и старик поначалу меня потреас. Есь с детства — ну как! прогнать пьяных и нищенков, и они приставали к тебе, извивались, плавали, клялись, лезли целоваться, а под конец, убедившись во мне, просили денег.
— Сино-о! — пронинороном сказал старик и вытер большим пальцем глаза. — Я был другом Есенина.

«Надо же!» — подумал я восхищенно. Он протяжно молчал, а с четвереньки ждал чужа. — Я был другом Есенина, — повторил он. — Не удивлялся, что я плохо одет, грязный, видный, — показал он изодранный рукав лидажа, — ну и выпил, конечно, еду из Язани к сестре, ну и вылил, — ведь все мы простые русские люди. Да! — Сэмозабвенно и театралью поднял он голову. — Едешь на его родину, ламиничество, да, это хорошо, узнаю молодость. Сам таким был. Я помню еще старый Петербург, стары позовы, их уже давно не печатают. А Есенин... Сергеа... как же! Сергеа мой, лучший мой, — воскликнул он и шагнул вперед, погнулна, поклонался. Я же еще на своих руках хоронил. Мы хорошо дружили, что бы мог подумать, что так случится... Я познакомился с ним, да бы год помат, у... Кловея. Кловея знает? Не знаешь, его теперь мало кто знает. Сейчас, сей-час, — вынул он руку ко лбу. — Помани, Сергеа, Есенин, кутья из угля, — вынул большой банчик! А в моей вонючей виле вспенена опара

для сладоб да игрици багрных... Дождит? Он был-линий был, Клоев. Современная молодежь, наверно, и былин не знает.

— Как же вам удалось?
— С Клоевым-то? Я в Ленинграде учился в двадцатые годы. В Гарцона, знаешь? Вечный студент. В медицинском училище. Потом думал путей-ский закончить — бросил. Сил не хватало. Ну сколько можно учиться, верно?

Я жил в общежитии, а Сергеа в гостинице, но лично, как она называлась. Бывало, зовон: «Се-нэл! Повея к Клоеву!» Клоев Ширяевец, Есенин — это же одна школа. Я говорю: «Знаешь, Сергеа, у меня кой-какие дела, приежай ты ко мне». «Нет, поведем к Клоеву!» Друзья были, позане разошлись. Клоев Айседору его лю-щеще, тогда тогда тоссовались. Потом дожда, да вы должны знать, там что-то... в клетке содрала на херейка... Да.

— Ну и что?
— Эх, что-то... Много это можно порасска-зать. Чет дошло до меня? К нам в конферен-цию Маяковский ездил. И вот, представляете, она-ка вышла выступил Есенин Сергеа, ведь красивый был, лицо, правда, порядком обгорзлеще, пил Сергеа правильно, дай бог нам так пил. Есенин кри-чал. Маяковский выходит. Сидит, топот! Маяков-ский тогда да простит меня, вот так четыре пальца в рот — и ответную. Неходивший был, собака, как поэт... Когда он сам читает, оно дождит, но читать его не-ро-гли-фи с листа — не дай бог. А Сергеа... У него все-таки пушниковый стих... А Сергеа замолк. Стоя совершенно темно, гдето к углу, по левому берегу, горел на пристани фонарь.

— А похоронили мы его на Вагьянском кладбище. На его могиле побольше чем, как в мировой войне. Да-а, не смеяться. Девушки стре-лявшие. Адак, у которого он воспитывался, ему деревянный крест поставили. Я, когда бываю в Москве, беру полднуру Клоев, и полднуру Сергеа. И иду на Вагьянское. Выливаю на могилу и говорю: «На, Сергеа, утони жадно». Крест проспи-ривался, наверно, до самого корня. Он теперь стоит только в том виде. Вот вы будете в Мос-кву, зайдите на кладбище, там, должно быть, много памятник поставили. Я бы вам хотел, чтобы памятник водкой. Как друга. Да, много бы я мог, мо-лодой человек, рассказать вам. Айседору знаешь? Дуина, танцовщица. «Дуинка» ее Клоев звал. Когда Есь было за пятьдесят, а красная, как двенадцатилетний девонка. За ней ухаживали четыре маскисисты. Вот видишь, было такое ма-ло морщиню, сколько, двенадцать есть! А-а, а если б тебе маскисисту, шестнадцать могла бы дать. Сергеа любил ее, она из него все соки вы-сосала. Вы знаете, как она погибла! Раньше носили длинные гарусные шарфы...
— Темно как, — сказал я.

Ветер продавал меня носквозе, руки посинели. Ночь заняла окрестности. И опять с какой-то сла-бой обидой я подумал о том, что никогда-никогда никто не узнает, каким я был в эту августовскую ночь на Катер, и сам, быть может, с годким пере-жучу свои чувства, а когда что-то напоинит о них, — не узнаю себя.

Старик быстро мне надоед.
— Синок, — сказал он перед уходом, — ты извини меня, старого интеллигента... неудобно, но вы помните, как я хватает на двести грамм, завтра я опохмелюсь, вы не одолжите!
Я остался один и перил.
Всегда не мог я видеть спокойные ночные по-ля. Выбраться бы сюда зимой, на снег, на завью-щенность косогоры, пожить бы подальше, сойти с людьми, походить в клуб, на свадьбы, поездить в лес и в луга, подумать о чем-то.

Я поеду той же дорогой и сойду там же в тот же поздний час. Не помню, как это будет, но все откликнется шорохом давней наступающей но-чи, когда я шел от реки с молодой женщиной. Идти избирать в гору под густыми тополлями. Было так темно, что мы чувствовали друг друга лишь по движению, по шарканью наших шагов да по голосу. По голосу я определял, что она моло-дая. Я спрашивал о ночлеге.

Я бы вас все быстнула, — сказала она, — да у нас тесно.
Она нечаянно отступилась, ойкнула, а я подвез-тил ее поперек груди, и мы на мгновение замерли от неслыхности и постылой молча, дыша, вообра-жая каждый свое, а во мне где-то кохлинулось желание повстречать на чужой стороне женщину, которая бы мне долго помнилась после.

— А вы ши к кому? — уже натянуто спросила она, когда пошла.
— Ну к кому.
— По делам?
— И не по делам и не в гости.
— У нас тут по-всякому хорошо. Вот это Куз-минское, — показала она рукой, когда мы вышли на длинный овраг. — Константиново туда дальше. У вас тут Есенин родился, слышали, наверно?
— Как же...
— К кому же вас устроила?
Мы подошли к одному дому — там спали, и к дру-гому — там мешали маленьким детям, и пока здох-ли, — сказала она, советовавшая с крыльца, я разгля-дал под окном лицо моей прозвонной — русское, симпатичное лицо, которое в деревне и в сум-ках бывает прекрасно.

От дальней дороги меня охватила слабость, кинолю ко сну: прикурить бы у порога ми-несте через дорогу под иву и ничего не желать, а члм не спрашивать — только услышать, что ты идешь, что все блещет — вот она, та деревня! — что уже поздно и никого у тебя здеш нет.

— Она привела меня наконец к высокому дому, постунала в завешенном платком окне: «Посиди! Не спишь?»

Кто-то отыскал платок, недобро всмотрелся в пространство ладущи к бровям. Долго было в-спрашивала, наконец впустила. Интересно, жин ли есть она!
Когда она вошла и рассмотрела меня, сразу сделалась доброй, посадила за стол и принялась кормить, да расспрашивать.

— Ну, а вы как не спрашиваете? — Села она на стульчик, подперлась кулачком и смотрела на меня маленькими глазами.

— С моря еду.
— Вот оно куда! — удивилась она, как будто мо-ре было на краю света. — Чего ж ты сюда: родст-венники какие или как?

Я отыскал.

— А-а. Ну это еще ничего. Это ничего, милый. Это не ты первый.

— Вы Есенина помните?
— Ну, я же, видела. Есенин-то, как же. Он тут, в Киньштинское, жил. У него, сквазит, и мать еще живая.

— Умерла.
— Померла! Когда ж она успела? Уж-то я за-была! На какой же...

— Ну, я ведь она был! Есенин-то!

— Какое он было! — Она сорвала в горсть губы и потерла щеку. — Такой вот, как ты.

— Да что вы...
— Есь-гор, только этак поникте бред, а волос такой же. Нашенский он был, простой. Да, волос тот был. Не знаю, для кого он там, как гово-рят, по-дет, я нам, он простой был. Есенин и Есенин. Из нашей деревни. У Тани-Монши — мать-то его! — говорят, бывало, сын приехал. Ну, приехал и приехал. Не побуждеще же. У меня их семеро на руках было — до Есенина мне! Го-ворят, решился, — прибавила она с тайношью, как будто это случилось вчера. — Да, милый, решился, говорит. Когда ты это ему?

— Как было о ней не подумать, не почувствовать ее долую жизнь!

— Телерчи сказать, мать у тебя есть или кто?
— Мать в Сибирь.

— В Вологодном.
— Пишет мать-то, как-некого: молочко там, с продуктами — хваает?

— Как и везде.
— Да, как и везде. Ну, а сестрини, братики какие?

— Один, я у нее.
— Один, да, один. Плохо, когда один. Когда много, глядишь, не тот, так другой подсобит тебе, вот, дай-ка, забудушь мать — и все. А у меня вот дочка в Москве, — вздохнула она и стрелба по клеенке хлебные крошки. — Еще подлить? Сы-сына. Один вернулся, живет тут недалеко, с ба-быной своей плохо друит. Двоинский был, скоро-мила в голодовку. Сечмо, живое, в теперь она.

И встала, ушла к ламке, живое, с укором сказа-ла:
— Вы вот тоже бродили, интересуешься все разными. А мать там, дай-ка, планет, дождается. Вот зачем ты приехал сюда, чего не выдал, не пойму.

— Вернись, никогда не денусь.
— Вернешься. Это еще ничего.

На ходиках было уже двенадцать.

— Так это тебя Паранька ко мне направил! — спросила бабка.

— Вы про эту женщину?

— Ну да, про нее, баба она или дева, шут их сейчас разберет. Чего ж она к себе не впустила! — Тесно.

— Те-есно? Ай, трешушка. Я ей вычитано! Тесно! Одна она живет, тесно!

— Баб Филья, еще что-нибудь про Есенина,— попросил я, и мне стало стыдно.

— Кто ж, милый, а кузьминская, а Есенин кинь-стинтинский, я, сынок, мало знаю. Про него больше в Москве знают, люди ученые. И то надо сказать: хороши они люди были, хорошие, милые. Только вот решился он, чего бы ему?

Я спросил, какая она старая и все еще неугомонная, и насколько же пережилла она многих помоложе себя, и думать, что они могли быть теперь еще с нами, было горько, потому что их не было с нами, и этого ведь не вернуть.

— Эх, дождь какой! — огорчилась бабка, шаря на мерцающие за окном капли. — Протекает моя крыша-то в сених. Хоть чашечку подставить. — И побежала в сени, гулко обронила на пол чашку, хлопоча и разговаривая сама с собой. — Приезжал вот, говорил же ему: «Сынок, ты покор мне крышу-то, текет...» «Ладно, мама, я покорю, только ты мне поллитрочку поставишь, чтоб жена не знала». «Ну поллитрочку уж так и быть». Дак он чего ж, сужий сын, сделал: половину украл и заколенился. Ишь, текет-то. Надо еще одну чашечку.

За окном по крыше, по ставням и по крыльцу мягко шумит, лопочет ночной дождь. Шуршит, наверное, и по елке деревне, за околлицей и по лугам, и, возможно, в Коростове, где сошел тот пареня, и под окном Параньки, которая проводила меня сюда, ушла, а я теперь думаю о ней. Шумит, льется и около дома, где давно уже нет козьев, лусты и холодных комнаты в нем, не горит свет, никого нет и никого никогда не будет по ночам. Не встанет поутру мать, не поздоровается с узницей соседки, не запустит в сивенный вечер задушевно песню — никогда этого не будет в их доме. А дождь шумит, мокует сейчас пристави, а я здесь не сплю, томлюсь, мне хорошо, как никогда.

Я уже не задавал бабине вопросов. Сколько прошло с тех пор, так много было всякого... и забот, и горя, и у каждого свое, — что где уж помню про все далекое и минувшее!

Я стоял на крыльце и слушал плеск дождя. Он стихал. Я подошел к калитке. Потули по улице огни, и дома чуть проступали во тьме скользкими окошками и крышами.

Необусмысленная грусть одолевала меня. Как-то все сразу увидел и почувствовал. И счастья я был, но о чем-то все же жалел. Почему так хотелось мне, чтобы из лугов доносился одинокий женский голос!

Она лежала внизу за домами.

Я отнула калитку и пошел по улице, в глубину деревни. Шел и все примечал, все вглядывался в ночь и не верил, что я уже в той самой деревне. Казалось, давно я уже где-то видел ее, давно-давно жил в ней и вот вернулся, узнаю ее снова!

Улицы вдруг расширились, справа подул, запахло рекой. Я пробрел немного вперед и на левой стороне угадал в сумраке дом с табличкой. Тонким дальним звоном закололо мне уши. Боже мой, сколько минуло лет, да и было ли это на свете? Я стою перед окнами, перед дорожкой в огород, перед калиткой, и буквы на табличке слипаются в мутную беловатую полосу, но все-таки прочтываешь то, что не видишь...

Все спят, и никто никогда не узнает, каковы я стал в тишине... Один, видно, раз бывает так в жизни. Один раз не возвращаешься даже к матери. А когда возвращешься, увидишь, как она бежит к тебе, побросав ведра, и опять что-то поимешь.

«Сынок,— всплывает мать у двери,— я уж думала, ты и не приедешь. Ездил где-то, как чужан, а чего ездил, один бог знает. На что оно тебе, все? Навыдумываешь себе...»

Я подошел к Оке. Река мелко плескалась у берега и поворачивала вдали в сторону хра. Молчанья, укрывшись темнотой луга. Как прохладина, лусты она теперь! Увижу ли я их через год или позже!

Я вспомнил тогда Люсю, ее глаза, ресницы, ленивую речь. Где она теперь? Где, из какой стороны придут редкие письма друзей? Какими мы встретим свои тридцать лет, какими мы будем...

Николай ТАРАСОВ

Возраст поэта — величина постоянная. Пока поэт пишет стихи, пока его стихи — поэзия, сам он молод.

Четверть века назад поэзия впервые овладела сознанием и чувством Николая Тарасова. Я помню его еще годовенные стихи, написанные в несколько угловатой, неопределенной манере.

Молодые литераторы часто брали за раннюю профессионализацию. Но Н. Тарасов еще в юности отказался от попыток войти в поэзию сразу и налегке. А сборы затянулись. Может быть, это одна из причин, по которым его стихи так редко публиковались. Автор почти никогда не предлагал их для печати.

Мир поэзии Н. Тарасова своеобразен. Ритмы стиха остаются в памяти как нечто живое, как движение жизни. Любовь, время, искусство переключаются, звуча в ритмах его поэзии.

Предлагаемая подборка, конечно, лишь в малой степени может представить творчество поэта. Но прочитайте сперва эти стихи. Присмотритесь и прислушайтесь к ним. Думаю, что они вызовут доброе чувство.

Александр МЕЖИРОВ

Танет ветром с Финского залива,
с недалеких северных морей.

Я опята,
усталый и несчастный,
вижу город юности моей.
Ленинград...

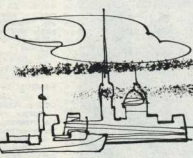
Он этой ночью спит,
чуть в снегу
и чуть накоротке

с облаками,
с будущим Россис,
с кораблем, замершим на реке.
Я люблю его туманов крепость,
площадь открытую игру,
эту

Петропавловскую крепость
и Адмиралтейскую иглу.
Снова Невский —

Финиксы все как на ладони!

И, рванувшись,
словно от погоня,
цепенеют кладовые кони...
на почти придуманном мосту...

Я его от весны утаиваю
и годами держу вдалеке.

А приеду опять —
оттаиваю
и спускаюсь один
к реке.

За домами светло и голодно
похмывает рассвета флаг.

На свиданье приехал —
с городом...

Кто поверит,
что просто так!

Что в холодном его названии
над раскрытым крылом моста
есть апрельский огонь незнания
и январская высота!

Это с ним
я в тайном сплodore.

Но их площадям брожу.

— Что находишь ты
в этом городе!

— Может быть,
себя назоку.

Где рука к руке — Дунай и Сава,
у сплннйа этих древних рек
безымянина воинская слава.
Но встает

над Савой
человек.

Вот он веселье!
В плечах косяка саженей.

От меня сейчас шагах в пяти.

И пускай
когда-нибудь мне скажут:

«Жизнь прожить —
не поле перейти...»

Поле боя...

Вот оно каково!

Солнце,
как начинающая медь.

Небо
голубое-голубое.

А шагнуть вперед —
и умереть

вдалеке от мира и оваций,
даже от победы вдалеке.

...На звездатр заросли акаций
и впадение в Кашутянке.

Это было,
было под Белградом,
где теперь прохладла и покой.

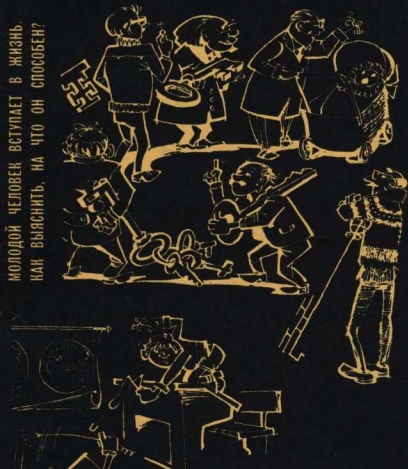
И стоит гранитная награда
За оградой зелени литой.

БЕСТАЛАННЫХ ЛЮДЕЙ НЕТ.
ЕСТЬ ЛЮДИ, ЗАНИМАЮЩИЕСЯ
НЕ СВОИМ ДЕЛОМ.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК ВОСТАНАВЛИВАЕТ В ЖИЗНЬ,
КАК ВЫЯСНИТЬ, НА ЧТО ОН СПОСОБЕН?

БУДУЩЕ
ЗА ИНДИВИДУАЛЬНЫМ ОБУЧЕНИЕМ.
ВОЗВРАТ К ГУВЕРНЕРАМ—
ЭЛЕКТРОННЫМ
ОБУЧАЮЩИМ МАШИНАМ.

ЯСНОВИДЕНИЕ—ПРЕДСКАЗАНИЕ СУДЬБЫ.
ПО МНЕНИЮ УЧЕНЫХ,
В ЭТОМ НЕТ
НИЧЕГО
НЕВЕРЯТОГО

Рисунок Г. БАБАНОВСКОГО

НАШЕ ДЕЛО

Дебил или имбецил?

Ассистент открыл дверь и попросил испытуемого зайти в аудиторию. В комнате висела большая грифельная доска, разделенная на две половины. Левую часть занимал квадрат с цифрами и буквами (рис. 1), правую — два чертёжа с зубчатой передачей (рис. 2).

Профессор внимательно оглядел испытуемого.
— Прошу вас проделать вначале левый тест. Соедините любыми линиями цифры и буквы в квадрате. Сохранить надо так, чтобы получилась фраза «Я люблю петь», а порядки букв соответствовал ряду цифр. А мы засечем время.

Испытуемый подошел к доске и взял мел. Ассистент включил электронные часы. Испытуемый лихорадочно провел первую линию: «1—Я». Вторую, Третью. Квадрат помылся паутинкой. Часы громко стучали. Испытуемый похрюпал испариной.

— Все,— выдвинул он.
— Перейдем к следующему тесту,— сказал профессор, оставив груз.— В каком направлении пойдет груз — вверх или вниз — в механизме, изображенном на рисунке 2, если мы повернем рукоятку против часовой стрелки? — И ассистенту: — Время!

— Вниз.
— Допустим... А во втором случае?
— Большое колесо повернется по часовой стрелке... значит, вверх.
— Вы свободны,— сказал профессор.— Идите.

Когда испытуемый выходил из аудитории, он услышал, как ассистент тихо спросил:

— Дебил или имбецил?

— Дебил, дебил,— сказал профессор.— Типичный.

На обратном пути испытуемый зашел в библиотеку и взял медицинский справочник. «Дебил,— прочел

он,— слаборазвитый в умственном отношении индивид. Без перспективы на улучшение...»

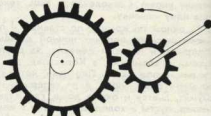
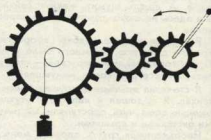

Рис. 2

Эта сцена в несильно шаржированном виде (хотя приведенные тесты—реальные) отражает опыты, ставившиеся у нас в начале 30-х годов. В тот период (1925—1936 годы) представители нового научного направления — психотехники (психология технической деятельности) проводили обследование сотен тысяч рабочих, колхозников, учащихся. Вычленился умственной одаренности. Фактически же речь шла о выявлении склонности испытуемых к тому или иному роду трудовой деятельности, о выявлении призвания.

В 1936 году тестовые испытания были запрещены.

Так существует призвание или нет?

Может быть, психотехника умерла потому, что исчезла проблема? Увы, извечная человеческая задача — поиск своей «точки» в жизни — отнюдь не исчезла. Наоборот, с каждым годом она приобретает все большую остроту. В обществе, где существует свыше трех тысяч профессий и гарантирован свободный выбор любой из них, задача определения призвания становится одной из самых сложных, охватывает массы психологических, социологических и материальных нюансов.

Дискуссия под девизом «Способности каждого и место в жизни», бушевавшая весной прошлого года на страницах «Нормосолини», показала, что даже «среднелиней», «летунов» и «неудачников» еще продолжают разыгрываться на подмостках нашей жизни.

Три тысячи писем участников дискуссии статистически доказали, что источник большинства этих драм —

1	Б
2	П
3	Л
4	Ю
5	Е
6	Я
7	Т
8	Л
9	Ю
10	Б

1	Б
2	П
3	Л
4	Ю
5	Е
6	Я
7	Т
8	Л
9	Ю
10	Б

Рис. 1.

А. ЕГОРШЕВ

СЕМЕНА НЕНАВИСТИ

В боннском государстве возник очередной скандал. Его виновниками оказались мальчишки. У мальчишек были каникулы, и они поехали из Душного большого города в Люнебургскую степь, где так много воздуха и солнца.

Но мальчишки не стали ловить рыбу и играть в «индейцев». В Люнебургской степи давно уже лазгают гусеницами танки Бундесвера, а в высоком небе с ревом пролетают военные самолеты. В конце концов мальчишкам это интересно, и когда пограничники пригласили их пожить в гарнизоне, они не отказались.

На них напялили солдатские мундиры, нахлобучили каски. Они тряслись на вездеходах по полигону, тащили обливашею потом, на плечах пулеметы и стреляли из карабинов по деревянным мишеням. Об этом узнали журналисты из «Штерна»: они предпочли ребята написать сочинение о самом интересном дне их летних каникул.

И вот что они написали. Ганс-Иогим Ш. «Я попро- сид дать мне пулемет. Ин- структор объяснил нам его устройство и вручил пуле- мет мне. Я вдруг почувст- вовал себя другим челове- ком: такая сила заключалась в оружии. С ним, я бы мог, если нужно, завоевать всю Россию».

Михаэль Д. «Каждому из нас дали по карабину. Сидя на вертолете с оружием, я почувствовал такой прилив сил, что, кажется, мог бы сражаться против целого гарнизона русских».

«Я вернул оружие с горечью в сердце» — писал третья школьник.

«Штерн» опубликовал эти сочинения и снимки подро- стков, и в боннском госу-

рин-и. Офицеры, маршировавшие по степям Украины, расскажут им, что вторую мировую войну спровоци- ровали Советы, что Гитлер построил прекрасные авто- страды. В учебнике геогра- фии они найдут карты, на которых Германия изобра- жена в границах 1937 года, а от учителя узнают, что нынешние границы неде- ствительны. В «Бильд-цай- тунг», которую Москва отпо- лучит в сторону отца, они прочтут об американских мегалокресте фашизма, уви- дят сквику на стенах си- нагоги и приветствие «Зиг хайль». По радио они услышат речь канцлера, им- ператора или диктора оппо- зиционной партии, проклиная-

старшими братьями они за- щипают свой дом от муже- зственных захватчиков.

Магнатом с берегов Рей- на и Рурь господству Гит- Хассельо и военным гитле- ровским экс-генералом мальчишки нунны для дру- гих целей, им на руку дет- ское усиление от обладания оружием и горечь в сердце при расставании с ним. Де- тей научили тому, что «враг угрожает с Востока» и ком- мунисты хотят поработить весь мир. Они должны ве- рить в то, что советск — хи- меря, что Освенцима не бы- ло, а состоялся смелый на- учный эксперимент: что вер- ность равна победителю сим- фонию, как только что писал Журиал —Веркурден.

Кому и зачем нужны та-

дарстве разразился очеред- ной скандал. Бригадный ге- нерал Норфке, командую- щий пограничными войсками в северной части страны, заявил, что Штерн подта- совал факты. В свою оче- редь, главный редактор журнала подал в суд жало- бу на Норфке, обвиняя ге- нерала, который оказался и- номцем, в клевете. Фодо- ральный канцлер одобрил действия офицеров-погра- ничников, дрессирующих юнцов для «парада на- острие» (поход на Восток — Род), а в органы печати по- шлились письма возмущен- ных матерей.

Случай в Люнебурге стал тем зеркалаю, в котором целиком отразился бонни- ская система обольщива- ния подрастающего поко- ления, показавшая лишь тех, кто сест дилетантскими дурами в умах молодых лю- дей, отравляет их ядом ан- гиокоммунизма и человеко- ненавистничества.

Чему научит Ганс-Иогим Ш. и Михаэль Д. писавших сочинения о люнебург- ских манкишах, бывший офицер вермахта и теле- ррешни учитель общество- ведения до сих пор ситуа- ции, что национал-социа- лизм был далеко не худшей формой правления и при- нес немецкому отечеству уму благи? А что узнают они на уроках новейшей исто-

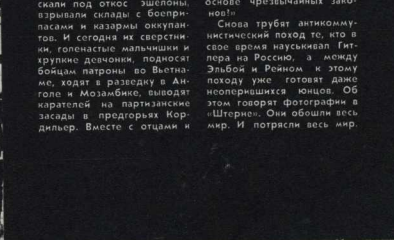

рии коммунизма, а в кино увидят американских адми- ралов, пикирующих на села Вьетнама и забрасывающих детей гранатами. Случай в Люнебурге ока- зался не единственным. В ди- визии ракетной артилле- рии, расквартированной под Везелем, гостили десять юных «слеподетов» из Дем- славско и даже вели огонь по учебным танкам. Не- сколько 16-летних школьни- ков из Опльденбурга проши во время каникул курс наук в учебной роте бун- десвера в Пултесе, а воен- ный министр Фри. Хассель одобрил такое мероприятие.

Дело, конечно, не в том, что ребята играли в казармах, совершали марш-броски и стреляли из карабинов. В стране, которую безуспеш- но пытался завоевать их наставники, за оружие бра- лись не только взрослые, но и мальчишки. Со словами на глазах они просили неумоли- мым военными послать их на фронт, уходили в под- полье и к партизанам, пу- скали под откос эшелоны, взрывали склады с боепри- пасами и казармы оккупан- тов. И сегодня их сверстни- ки, голыеще мальчишки и хрупкие девчонки, подносят бойцам патроны во Вьетна- ме, ходят в разведку в Ан- голде и Мозамбике, выводят караваны на партизанские засады в предгорьях Кор- дильер. Вместе с отцами и

кие мальчишки! Ответ мо- жет быть только один. Агр- ессор и для агрессив. Об этом говорят сегодня с трагической данью те, кто ни в каком случае нельзя запо- добрять в симпатии к ком- мунизму. В августовском но- меру журнала «Пестер Фор- деме» уча интернационале политико- крупный западно- германский фабрикант, миллионер и депутат бундста- га Освальд Коузт писал: «Многие годы моя размыш- ления о том, почему комму- низма, мне думается, однако, что у коммунистических стран ко- всем мне заботы, немалая наладит на ФРГ. Не ничто- жно вообще обстоит дело! Разве мы не угрожаем во- сточным соседям, поскольку наше правительство пре- тендует на границы 1937 года и тем самым выдвигает неограниченные террито- риальные требования Востоку! Разве наши соседи не долж- ны испытывать опасения, когда они слышат, какие всеобъемлющие пригото- вления происходят в ФРГ на основе чрезвычайных запо- нов».

Слова трюнт антикомму- нистический поход тех, кто в свое время наускавал Гитле- ра на Россию, а между Эльбой и Рейном к этому походу уже готовит дядя испортившихся юнцов. Об этом говорят фотографы в «Штерн». Они обновили весь мир. И потресли весь мир.

К СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Есенин и Дункан в Нью-Йорке. 1922 год. Фотография из газеты «Форвертс».

В биографии Сергея Есенина еще немало «белых пятен». Поэтому интересна и дорога каждая новая публикация, каждый новый штрих, позволяющие полнее воссоздать облик Есенина-человека и Есенина-поэта.

С этой точки зрения интересны и некоторые материалы из архива литератора М. П. Мурашова, которые мы публикуем.

* * *

Дружба Сергея Александровича Есенина и Михаила Павловича Мурашова завязалась в первый приезд Есенина в Петербург, весной 1914 года. Есенин пришел к Мурашову с запиской Александра Блока:

«Дорогой Михаил Павлович!
Направляю к вам талантливого крестьянского поэта-самородка. Вам, как крестьянскому писателю, он будет ближе, и вы лучше, чем кто-либо, поймете его.

Ваш А. Блок.

Р. С. Я отобрал 6 стихотворений и направил с ними к Сергею Митрофановичу¹. Посмотрите, сделайте все, что возможно»².

С первой же встречи двадцатилетний поэт душевно привязался к своему новому товарищу, который отвечал ему такой же искренней и сердечной дружбой.

Как старший и более опытный литератор, Михаил Павлович помогал Есенину в устройстве всяких дел бытового характера, содействовал напечатанию его стихов в журналах и сборниках, выходящих в столице.

Есенин бывал у Мурашова почти ежедневно и некоторое время даже жил у него. Он делился с Михаилом Павловичем своими радостями и горестями, поверял ему свои замыслы и немало стихов сочинил за письменным столом в скромной мурашовской квартире. Будучи уже известным поэтом, вспоминая те дни, Есенин написал на книжке «Правильня слов»:

«Первому из первых друзей моих
города Питера. Мише Мурашову.

1920 год.

* * *

Мало что известно о близости Есенина к литературно-художественному обществу «Страда», хотя поэт принимал весьма деятельное участие в «Вечерах искусства», устраиваемых этим обществом.

...1915 год. Идет второй год мировой империалистической войны. Десятки тысяч русских солдат гибнут на фронтах. Растет ненависть народа к кровавой войне, к самодержавию.

Царское правительство на всплески народного гнева отвечает жесточайшими репрессиями: переполнены тюрьмы, многочисленны этапы «политических» идут в Сибирь...

Октябрь месяц. По Петрограду разлетелись бумажные листы приглашения Билова:

«Учредители Литературно-Художественного общества «Страда» С. М. Городецкий, М. П. Мурашов и В. Г. Ключков покорнейше просят Вас

¹ Сергей Митрофанович — Городецкий, поэт.
² А. В. Дюк. Собрание сочинений. Том 8, ГИХЛ. М.-Л. 1963 год.

СЕРГЕЙ ЕЩЕ ЖИВЕ

пожаловал на учредительное собрание о-ва «Страда», имеющее быть в субботу 17 октября с. г.

Малая Посадская, д. 14, кв. В.

В 8 час. вечера».

...Выступая на учредительном собрании «Страды», один из активных членов этого общества, артист Василий Васильевич Игнатов, говорил:

«Каждая смерть война, как нашего, так и каждого война воюющих государств, все беды и несчастья и весь ужас настоящей войны — наше преступление. Это страшная расплата за наше государственное неустойство, за то, что у нас клеветники висельники благоденствуют в чинах и орденах; за то, что подлый хан, развратный клеветник! имеет фактически неограниченную власть в стране. Расплата за наше государственное и личное правовое недомыслие, за самих себя, за все, содержащееся в нас. За то, что нами правят так, как мы достойны; за то, что чернов у нас торгует, школа клеветник, литература, хотя и не вся, облекается в пошлость, беспринципность, грязь и преступность, нагло торгует собой оптом и в розницу. За то, что от литературы не остается и театр...»

Григорий Распутин.

Надо было иметь большое гражданское мужество, чтобы публично высказывать такие мысли.

...Пусть «Страда» скажет, что в ударе молота больше поэзии, чем во всех сантиментах нашей интимной повседневности,—говорил Игнатов,— что истинная красота и величайшая поэзия лишь в знании и постоянном труде. Потому что музства наши все времена, имеют начало и конец, а знания и труд бесконечны в красоте достижений своих...

Пусть научит «Страда» народного поэта не о солнце на небе петь — о солнце далеком сплоском много пропето неуживших песен,— а воспевать самое близкое солнце земли — Человечество, петь о плодах его знаний и работ.

Четверг, 19 ноября.

Первый вечер «Страды».

В программе вечера напечатано:

«Русь», стих. С. А. Есенина. Прочтет автор».

10 декабря.

«Закрытый вечер, посвященный произведением

народных поэтов Н. А. Клюева и С. А. Есенина.

Слово «Страда» о народных поэтах Н. А. Клюева

и С. А. Есенина. Прочтат И. И. Ясинский.

Н. А. Клюев и С. А. Есенин прочит свои сти-

хотворения. Русские песни исполнит хор гуслиров под управлением Н. Н. Голосова.

Л. А. Арсеньева, В. В. Игнатов, артисты Малого театра, прочтут стихотворения Н. Клюева и С. Есенина».

В залissa Мурашова читали:

«Организованные нами литературно-художественное общество «Страда» отменяло у меня очень много времени. Я был членом-распорядителем общества, и на мне лежала ответственность за политическую и хозяйственную сторону дела, особенно после открытия театра, в котором, кроме спектаклей, устраивались литературные вечера, где выступали члены общества. На одном из таких вечеров Сергей Есенин по просьбе слушателей прочел, кроме разрешенных цензурой стихотворений, еще одно, которое полиция не понравилось. Пришлось еще раз ездить в Градоначальство и доказывать, что стихотворение лирическое и ничего в нем политического не было...»

...«Есенин стал чаще бывать у меня. Всемерно старался я его успокоить и обещал помочь привезти помощь перевозить его из воинской части в одно из авиационных учреждений морского министерства.»

П О Р Т Р Е Т М А Т Е Р И

Несколько лет назад, собрав материалы о Сергее Есенине, я приехал на родину поэта — в село Константиново.

Был поздний июньский вечер. В селе темно и тихо — ни звуков гармонини, ни девичьих песен, ни свиста окон... С широкой Оки, еще хранящей на своей поверхности дрожащая отсвет вечерней зари, ткнуло прохладой.

Я вошел в дом Есениных. Здесь все напоминало о поэте и множестве его фотографий, развешенных по стенам, и маленьким в разноцветных обложках томиком его стихов, лежащим на этакерке, и обстановке уютнейшего комнат — намушудущая обстановка крестьянского дома.

Меня оставили ночевать в этом домике.

Утром я познакомился с матерью поэта — Татьяной Федоровной. Она тихо и скромно вошла в комнату, похородевшая летним нивном головы. Ей всеместидет лет. Она полная, выше среднего роста. Голова повязана черным платком, изпод которого вывиваются пряди седых волос. С волнением взгляды в ее лицо: там вот она, простал, молчаливая русская женщина с натурными, желтыми, крестьянскими ругами, подарившая миру Сергея Есенина! Лицо ее бледно и мирдично. У нее синие, лучшие глаза, такие же синие, лучшие глаза были у ее сына.

Татьяна Федоровна смотрит на меня с грустной задумчивостью перед на зависящий дик, насающийся перед ним много лет назад ругами поэта. На этом месте часто сидел Сергей, когда, бывало, приезжал в гости, и с такой же грустной задумчивостью смотрел на широкую, любимым им за зонский простор, на милое его сердцу рязанское небо... В эти минуты мне показало, что она по-прежнему ждет своего сына, ждет терпеливым

ониданом матери, ждет там, как когда-то ждала его возвращения домом, в деревню, из далекого города, от чужой, шумной жизни.

...За окнами послышался голос: пришли поинеры из соседнего села и просит показать им дом, в котором жил Есенин.

Татьяна Федоровна с радужной, доброй улыбкой приглашает маленьких гостей в свой сад, по дорожкам которого угайб когда-то босном ее Серена...

* * *

Вспоминается Центральный дом литераторов, собрание, устроенное по случаю 25-летия со дня кончины Сергея Есенина. В тот холодный декабрьский вечер писательские клубы все переполюбили почитателями поэта, которые пришли сюда, чтобы вспомнить о Есенине, чкак о цветие непотворимом». Татьяна Федоровна сидела в первом ряду в том же черном платье. Лицо ее было строго и торжественно, а в глубоко запавших глазах тамлась грусть.

Минюла Першин читал стихи Есенина — «Письмо матери». В зонной тишине — насторонившего, притихшего, точно замершего зала с какой-то особенной силой звучали полные лиризма и драматического напряжения строки Есенина, обращенные к ней, своей матери:

Я по-прежнему такой же немой И мечтаю, только лишь о том. Чтоб скорее от тоски мятенной Воротиться в извилистый наш дом. Ты одна мне помощь и отрыва. Ты одна мне несказанный свет...

Ал. ЛЕСС

части. Он осмотрел больного, сердце почкало голубой и сделал укол, потом заставил Виталия проглотить камне-то пиллом.

— Семен Ильич, что с ним? — спросил Коста.
— Всего лишь простуда, но... Старик сдвинул на лоб очки и внимательно посмотрел еще раз на больного. — Но надо понаблюдать нервную реакцию, сильнейшая. Откуда этот юноша?

— Из Москвы. Наш сотрудник. С очень сложным заданием.
— Там чего вы удивляетесь, я вас спрашиваю! — И, подним палец, он строго добавил: — Учтите, сейчас ему необходимо абсолютный покой. Вы меня понимаете? Абсолютный!
— Мне необходимо и мне поговорить.
— Поговорите завтра.

— Семен Ильич, сейчас надо! — взмолился Коста. — Хотю два слова чтобы сказать.
— Вы русский язык понимаете? — окончательно рассердился тот. — Не трогать! Через час я приеду в больницу. Говорите Голубовичу.
В это время в комнату несильно вошла Светлана. Видно, шейдер ее уже предупредил о случившемся.
Старик удивленно посмотрел поверх очков на девушку.

— А вы, извините, кто будете? — Я... — смеялась Светлана. — Я...
— Это его друг? — Быстро сказал Коста. — Она тоже из Москвы.

Ага, — удовлетворенно кивнул головой старик. — Ну, так я пока на вас надеюсь. Именем на вас. А то эти молодые люди забывают обо всем на свете со своей сумасшедшей работой.

В ту же ночь Косой один уехал в Москву. Его никто не провожал.
Виталий очнулся только утром, уже в госпитале. Он сразу подумал обо всем, что с ним случилось, и вспомнил вдруг то, что мучительно не мог вспомнить в ту памятную ночь дождя в Ангарске, вспомянул и в отчаянии замигнул глаза.
Портсигар Достоевского исчез вместе с Косым.

СТРЕМИТЕЛЬНО ВСКОЧИВ НА НОГИ, ВИТАЛИЙ УСПЕЛ СХВАТИТЬ НОЖ, ВЫПАВШИЙ ИЗ РУКИ КОСОГО.

ПРОМЕЖУТОЧНАЯ ФИГУРА СТАНОВИТСЯ ОСНОВНОЙ

Проводил поезд. Откаленно не спеша брел в толпе и выходу из вокзала.

Настроение было какое-то озабоченно-взвинченое. Во-первых, бесновитый Лосев, все-таки совсем он еще «необстрелянный». Вот поплакивал сегодня. Потом подумал о Димке, слышь малютка сегодня простудила, и Ална уже ходит с красными глазами. Бойся ты ли кори, то ли скарлатины, завтра с утра надо вызывать врача. А еще завтра с утра предстоит напряженный разговор с железнодорожником, в горячие досовские отъезды не успел в нем поговорить сегодня. Игорь так и ждал, нечего заниматься беспостыдным делом — и сказать это «брылянту» с девчонкой. Теперь-то уже ясно, что портсигар в Косого, и Виталий, если досудебная попорядке — Игорь мысленно даже плююму три раза, — через два дня привезет его. Только дали новый фактинг Свиридову, черт бы его побрал!

Толпа провожающих втиснулась с перрона в распахнутую дверь вокзала. Стало тесно. Кто-то за спиной у Игоря толкнул его и тут же извинился. Игорь сиелся глаза и внезапно заметил приближавшуюся в толпе стройную девушку в железнодорожной, с модной, высоко взбитой прической и ярко подведенными глазами, «Где-то я ее видел», — подумал Игорь — по привычке стал ее вспоминать, следя глазами за девушкой. Та, видимо, торопилась и старалась обогнать идущих впереди. Игорь тоже приблизил шаг.

По залу девушка почти бегала. На площади перед вокзалом она остановилась, шло нечто глазами, потом радостно махнула рукой и устремилась вперед, в самую гущу стоявших перед вокзалом машин. Игорь угадал, как же подходить и красную «Москвичку». В ту же минуту машина словно ошмыг, вслышались бешеные и красные сигнальные огни, сзади замигал желтый фонарь поворота, и «Москвичка» стал медленно выползать на проезжую часть площади.

Откаленно заметил на черном извратитие его номера бумажку «МОЕ» и усмехнулся. Это сочетание букв на машинах «собственников» всегда смешно его: вот уж поистине «мое» — и ничье другое! Игорь повернулся и шагнул к метро. Он так и не вспомнил, где видел девушку, и через минуту уже забыл об этой встрече. Надо было еще в центре забежать в аптеку. Ална опять дала улюв речей.

Утром Цветков, невозмутимо выслушав горячие тирады Игоря, сказал:

— Устал ты, видать. И нервы пошаливают. А работать надо. Лосеву нашему сейчас, по моему приходится.

— Так вступую работать малюк! Влустую!
— Ты мне еще это не доназал, поминто?

— Иногда он бывает удивительным формалистом. — раздраженно подумал Игорь, тупые притом.

— Мы из чистого самолюбия целляемся за эту версию, Федор Кузьмич. Это же смешно!
Игорь нарочно сказал «мы», хотя имел в виду одного Цветкова и его спор Свиридову.

— Ты мне самолюбием не тычь, — хмуро возражал Цветков. — Вот утри мне, старину, нос, наиди тот «брылянту». А пока не нашла, грехи цена твои мнения и тому подобное.

Игорь охватывал колодон бешенство.
— Ну, хорошо же! Я вам ее найду!
Во-во. Давай!

Игорь круто повернулся и, не попрощавшись, выбежал из кабинета. «Самодур несчастный», — злобством думал он. — Дал же Бог малюк! Свиридов и тот лучше. Ему хотя доказать что-то можно. Оночательно расстался. Игорь решил сейчас же пойти к Свиридову, все рассказать. Черт знает, пусть торнестует, но может быть, не придется опять толочь воду в ступе. Ему неизвестна была еще одна мысль о необходимости не смывать эту проклятую бабу с девчонкой.

Но перед самым кабинетом Свиридова он вдруг круто остановился. «Подлец!» — с чувством сказал он самому себе. И, окончательно обоблещенный, он стремительно сбегал с лестничной площадки на улицу.

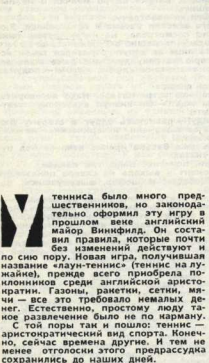
Солнце осветило его, обдало жаром. «Апрель называется», — сердце подумал Игорь и расстегнул верхнюю пуговицу на своей серой из шерстяного трикотажа рубашке. — Летний костюм на-

тенниса было много предшественников, но законодательную форму эту игру придумал вице английский майор Винфильд. Он составил правила, которые почти без изменений действуют и по сию пору. Новая игра, получившая название «американский теннис на луэи», прежде всего приобрела популярность среди английской аристократии. Газоны, ракетки, сетки, мячи — все это требовало немалых денег. Естественно, простому люду такое развлечение было не по карману. С той поры так и пошло: теннис — аристократический вид спорта. Конечно, сейчас времена другие, и тем не менее отголоски этого предрасудка сохранились до наших дней.

Прежде всего попробуем ответить на вопрос, что же такое теннис. Мастер спорта сказал бы примерно так: теннис — это игра, в которой нужны резкость, прыгучесть, скорость бега, быстрота реакции. Вырабатывать в себе эти качества не просто. В наши дни теннисный сезон продолжается три-четыре часа. Четыре часа мощных ударов, выходов и сетке, погоня за безраздельными мячами. Теннис требует атлетизма и трудолюбия. Помимо, ни в одном виде спорта моральные факторы не играют такой роли, как в теннисе. У футболиста на поле есть десять партнеров, на корте ты один. Ежедневно ты должен решать технические и тактические задачи. В игре равных побеждает тот, у кого крепче нервы. В теннисе много сложенного. Но именно это и нем и привлекает.

А вот что скажет об этом виде спорта просто любитель, не имеющий разряда?

«Великолепная игра! Утром проведу часик на корте — весь день отлично работаете. Да и после работы неплохо встряхнуться». Разумеется, это — деловое словосочетание. Между теннисом «большим» и «маленьким» нет пропасти. Сегодня мы новичок, а завтра, глядишь, сделал первый шаг к мастерству. И все слоганы правды: победить можно, если есть, конечно, и в «маленьком».

А теперь давайте поговорим о наших великих теннисистах. В 1926 году советские теннисисты вступили в международную федерацию и начали участвовать с зарубежными игроками. На турнирах их принимали вежливо, с оспариванием — совсемными соперниками не считали.

А вот за последние время наша первая великая теннисистка Лейлус победила сильного новозеландского спортсмена Л. Я. Армстронга, восходящего к звезде австралийского тенниса К. Флетчера, игравшего первой лиги мира в соревнованиях сильнейших спортсменов. Газетчики не замедлили присвоить Лейлусу титул «королева тиган».

Тониселк А. Метревели на недавнем Московском международном турнире выиграл у американцев Д. Делла и А. Фосса. Но, может быть, наши го- сти так уж и удивлены? Ничего необычного. А. Фосс — игрок первой лиги в США, а Д. Делла — Д. Метревели встречался два года назад на том же международном турнире. Поэтому не удивительно появились похвальные отзывы об игре А. Метревели, послышью от все-

го-нашего проиграл Д. Деллу с достоинством. Да, времена меняются. Теперь и советским теннисистам приходится относиться с дилемматическим синхронистичностью.

Сметтик может возразить: «Экое достижение! Все равно Кубок Дэвиса никто не выиграл. Диставельно, хотя и выиграл». Попа наши теннисисты одерживают лишь единичные победы. Наш теннис вышел из детства, но еще не стал мужицким. Советским игрокам еще под силу соперничать с новозеландскими Австралией, Англией, США. А вот, скажем, у чилийцев они выиграла. Семь-восемь лет назад о такой победе и мечтать трудно было.

Что же не хватает нашим мастерам, чтобы взобраться на вершину теннисного Олимпа? Мыло время, когда зрители сидели на играх, которые сводились к мезамысловатой перендице мяча через сетку. Болельщики ради развлечения садились, сколько раз найдешь из противников отбьет мяч, пока наконец ошибка одного из них не принесет ему вторую. Это худший теннис получился меткое прозвище — «начка». Все это время на трибунах представители глухой защиты приходилось молодым спортсменам. Пробовая бить мячом, они впадали в непонимание и натянулись на непонимание соперника (ведь атака всегда связана с риском) и проигрывал. А затем делала вывод: зачем мне лезть на рожон? — и сам начинала «начка».

Но вот наши теннисисты вышли на международную арену. Огляделись и удивились. Зарубежный теннис совсем не такой, как у нас. Какая так «начка!» Пущенная подача — выход к сетке — очко, быстро, эффектно, результативно. Восторг на трибунах, трескующие отзывы в прессе, заманчивые приглашения и турниры.

Нужно было принимать радикальные меры. Линия на антиинвазивно играх пренесла свои плоды — нас повела большая группа теннисистов, способных соперничать с сильнейшими спортсменами. Мы научились играть с лета. Посмотрите, как действует у сетки наша пущенная теннисистка А. Дмитриева. Т. Лейлус — четко, уверенно, быстро. Не случайно советские теннисисты с лета. Споры нет, проводят парные встречи. В парных играх, когда все четыре спортсмена нередко выходят к сетке и ведут пулеметную перестрелку, умение играть с лета — преимущество решающее.

Нужно было использовать современные теннис, под которым подразумевают прежде всего антиинвазивную игру у сетки. Делать «лета, споры нет, подача — «соль» тенниса, как впрочем, и любой другой спортивной игры. Откачать это, что называется, можно, только играя у сетки! Мы рассуждали на стабильные успехи в международных соревнованиях одного умения играть с лета мячом. Во встрече с французским «не» — малейшая пробыл в теннисном образовании будет — неудовлетворительно, у наших игроков таких пробывало в теннисе. Многие наши спортсмены не прошли полного курса наук. За примерами далеко ходить не надо: хвала Лейлусу за его победу за рубежом. На травяных «бст-

рых» кортах, когда игра с лета приобратят решающее значение, его техническое оружие хватало для того, чтобы добиться успеха.

Но вот уже дважды за последние время Т. Лейлус проигрывала А. Метревели. Дело в том, что А. Метревели стал теннис в обороне. Тем самым он приковывал Т. Лейлус к задней линии. Мотив ударов Т. Лейлус не хватало ни на то, чтобы «перемолотить» соперника сзади, ни на то, чтобы подготовиться более или менее обоснованным выходом к А. Метревели, ошеломляющий удар с задней линии, но он не умеет играть у сетки.

Да, тяжелая роль догоняющего. Ведь тот, кого догоняешь, тоже не стоит на месте. Пусть мы учились играть у сетки, мировая теннисист шагнул вперед.

Типичный представитель атакующей школы — австралиец М. Смит. Это — вообще удивительное явление в теннисе. Как Лейл в дублюте. Смотришь на игру Смит — и сначала никак не понимаешь: за счет чего она выигрывает? Вроде бы ничего особенного. Сидишь на трибунах, смотришь это протеста, доверенная до совершенства.

Какое неловко об обательной иницеции говорить, что у нее мужская сила в определении, выслеживание, поберешь. У Смит подача, которой позавидует любой теннисист после подачи, как она ввид австралийца умеет у сетки. Как она туда подала, оставались незамеченными. Смит легко и непринужденно передвигается по корту. У сетки же она полновластная хозяйка положения. Сильный плоский удар — и диспут с соперницей окончен. Всякого рода выкрутасы — типа вращения мяча, подрезов — это не для Смит. Ей это просто не нужно. Лучшая теннисистка мира хватала для побед ее идеально отточенной простоты, позволяющей вести игру в теннисе, который не выдвигают соперники.

Ну а если Смит вынуждена оставаться за задней линией? Тогда она пускает в ход оплит-тант плоский сильный удар — поперек. Игрок с полным ритмом низко над сеткой и едва отскакивает. Все так же выигрывает в теннисе.

Добавить к этому, что для Смит не существует слабых соперников или бедных очков. Игрок с полным отдачей сил. В теннисе своего мяча. С любым соперником. И безупречное движение в короте. Сильных нервных выводов. Полное спокойствие.

Все это дает основание считать М. Смит эталоном теннисиста. Лучший пример для подражания, хотя трудно. Откачать ли это, что все делается просто, а для Смит? Видимо, нет. Ей по душе приемы простота. Это, как говорится, — ее личное дело, свойство ее теннисного дарования. Другим может нравиться более изощренная игра. Но Смит? Видимо, не хочется. Словом, играй-ишь хорошо.

Итак, в мировом теннисе наступила эра универсала. Кто-то из них очень хорошо играют по всей площадке, уверенно, покажутся поведением в теннисном иналом технических приемах. В их игре нет слабых мест — в этом их сила. — инициация это, разве Я. Смит?

бразилийка М. З. Буэно; у мужчин — австралиец Г. Эмерсон, американец Ч. Мак-Кинлей. Техника — главное оружие спортсмена. И «звезда» зарубежного тенниса постоянно совершенствует ее. Нельза, конечно, сказать, что наши теннисисты в настоящее время превосходят. Но ни не хватает выуса и этой работе, если можно так сказать, то «сущности», которая есть у их зарубежных коллег.

Дело, разумеется, не в одной технике. Говорить о ней в первую очередь заставляет непрелюдный закон главного оружия — голубки бить достаточно острым. Конечно, даже самая совершенная техника не гарантирует теннисиста победы. Он должен быть еще хорошо подготовленным физически, тактически, психологически. Можно долго говорить о недостатках наших игроков в каждом из этих видов подготовки. Но не будем забираться в методические дебри. Это — дело тренера.

Чтобы стать сильным, нужно встречаться с сильными соперниками. Мы ратуем за увеличение встреч советских теннисистов с сильнейшими зарубежными спортсменами. Но давайте прежде всего наведем порядок в собственной подготовке.

Даже на внутриспортивной арене лучшие теннисисты встречаются между собой не так уж часто. А ведь известно, что мастерство куется во встречах с равными по силе соперниками. Это поняли, например, хоккеисты. Они перестроили свои календары так, чтобы сильнее соперники да могли чаще встречаться друг с другом. У нас существуют традиционные формы соревнований — первенства городов, областей, республик и т. д. А почему бы, скажем, не устраивать турниры сильнейших?

Нам нужны десятки таких игроков, как Лейлус, Дмитриева, Метревели. Нужны тренеры, которые вырастали бы из сильнейших зрительщиков. Для этого наставнику мало самому быть в прошлом игроком. Нужно умение образование. Однако институты физкультуры до смешного мало выпускают специалистов по теннису. Нам нужна огромная армия тренеров — не только в высших, но и в средних общеобразовательных. Нужна для развития тенниса в нашей стране и возможность влечь новых талантов? Но об этом разговор особый.

Для интеллектуальной, приносящая самостоятельно мыслить. Это — одна из главных достоинств. И, право же, смешно думать, что дорога на корт открыта только людям с низким образованием. Это предвещает теннисные успехи.

В основном научно-исследовательские институты. Снятием, развитием, да и радостью, и признанием, от которого споры не могут избавиться. И добиваться этого должно и спортивное образование. А некоторые из них, и несчастье, считают теннис Уделом лишь одних академиков. Таким людям хочется посоветовать походить в молодом городе строители, химиков, механиков. Там теннис стал спортом № 1. Эти игроки улыбаются все от мала до велика. Спорт, считавшийся достоинством привилегий лордов и баронов, стал спортом для миллионов. В СССР же это — сверхординарное явление наиболее

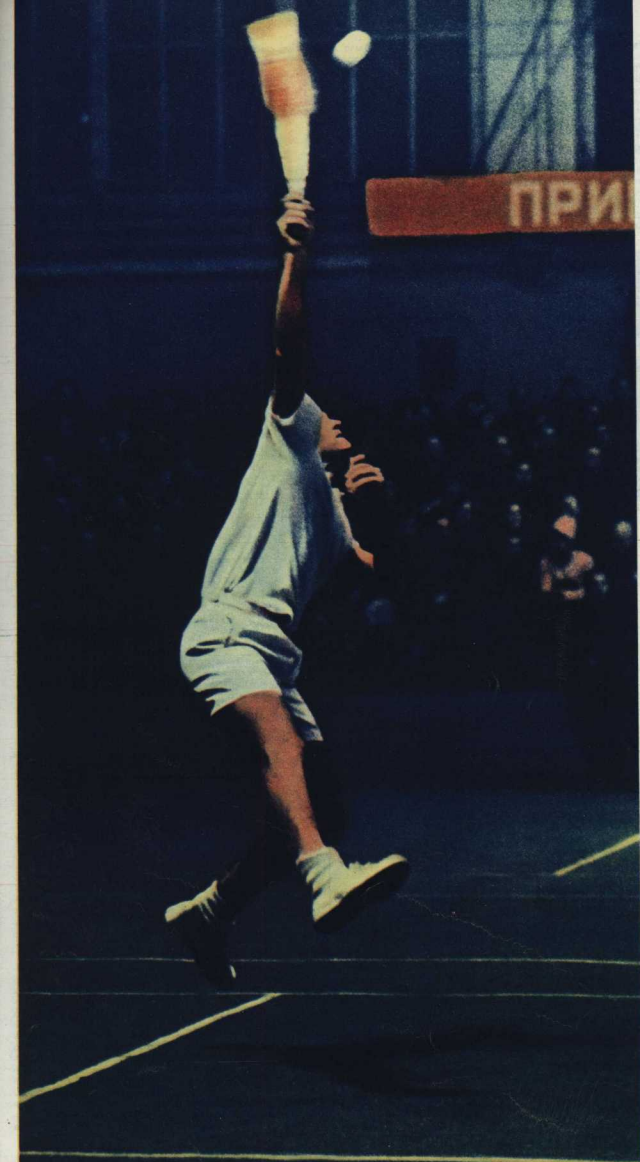

Фото А. БОЧНИНА

дать, как мальчишки, нарисовав мелом на асфальте корт, перебрасываю через натяннутую веревку мяч деревянными ракетками. Истят, а городе три бетонных корта. Бетонных, а не грунтовых. Из них может играть любой. Пусть человек впервые в жизни возьмет в руки ракетку и ударит по мячу. Может быть, на следующий день он придет уже не на бетонный корт, а на грунтовой и не в ботинках, а в тапочках.

Всего в Северодонецке свыше двадцати теннисных площадок, в том числе отличный корт, на котором проводится и всесезонные соревнования. Когда рассказываешь о теннисе в этом городе, в ответ нередко слышишь:

— Еще бы им теннис не развезать. Такие корты!

А ведь сначала в Северодонецке появились теннис, а корты потом. Большому энтузиасту этого вида спорта инженеру-строителю В. Кутурянову сначала долго пришлось доказывать, что теннис полезен, общедоступный вид спорта, что ему все возрасты покорны.

Первые площадки строили из отходов. Потом дошла очередь и до грунтовых площадок. А спустя некоторое время Кутурянов стал подумывать и о строительстве крытых кортов, на которых можно было бы играть и зимой. Помнилась одна типовая проектом — дорога. И тогда вместе с инженером В. Медером Кутурянов сам составил проект. Здесь не место вдаваться в его тонкости. Скажем только, что сооружение кортов по этому проекту обошлось в несколько раз дешевле, чем по типовому. Экономили на чем только можно. В дело шло все: бранованные материалы, отходы производства. Для корта нужна щебенка. А дробить ее — и впрямь дорогое удовольствие. Вместо щебенки в Северодонецке использовали так называемый конкис — отход химического производства. Мало того, что он ничего не стоил, строителям еще и платили за то, что они его вывозят. И погрешки бы против истины, скажи, что крытые корты ничего не стоили. Затраты, конечно, были. Зато энтузиазм свой молодежь расходовала не скупясь.

В Северодонецке регулярно разыгрывается первенство города по теннису. Раньше в этих соревнованиях участвовал коллектив физкультурных. Набралось от силы десятка полтора команд. Но спортивные руководители (в городе работает общественный совет по развитию физкультуры и спорта) знали, что теннисистов в городе гораздо больше. Они есть в каждом дворе, только, как говорится, неорганизованные.

Решено было провести первенство среди юных члуралов. На старт этих состязаний вышло тридцать команд. А ведь в Северодонецке всего около пятидесяти кварталов.

Да, не так уж страшен теннис, когда за дело берется люди, любящие его, хотя проблем в этом виде спорта немало.

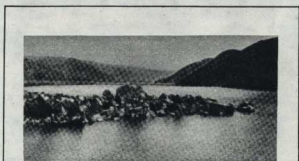
Главная из них — сделать эту игру подлинно народной, массовой, как это случилось в Северодонецке. И тогда увеличится отряд теннисистов, вступающих в Олимп. И тогда, наконец, наступит время, когда можно будет присоединиться к нетерпеливым болельщикам и вместе с ними сказать: — Подавайте нам Кубок Дэвиса!

ЕЩЕ
РАЗ
О
«НЕВЕРОЯТНОМ»
ОЗЕРЕ

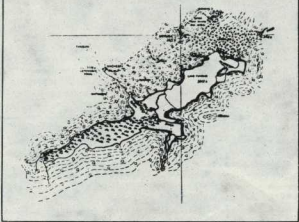
В № 12 «Смена» за 1965 год в рубрике «Тайны XX века» была напечатана статья «Невероятное озеро», основанная на материалах зарубежной прессы. Рассказ о загаточном озере Фундузи захватывал читателей, его перепечатали десятки газет, редакция получила множество писем, в которых читатели высказывают свои предположения о природе загадок Фундузи, просят сообщить дополнительные сведения о таинственном озере.

На этих страницах «Смена» выполняет пожелания своих читателей и публикует статью сотрудницы Института географии Академии наук СССР, кандидата географических наук Ю. Г. Липец, выдержки из писем Е. Владимиров, Ю. Сорнова, М. Тульчинского, фотографии и план Фундузи. Как смогут убедиться читатели, ознакомившись с этими материалами, озеро Фундузи и связанные с его именем легенды заслуживают пристального внимания и дальнейших тщательных исследований. Думается, что авторы заметки в «Комсомольской правде» от 14 августа этого года несколько погорлопали, назвав статью «Невероятное озеро» «уткой» и обвинив редакцию «Смена» в излишней доверчивости.

ЧТО ЗАВЕЩАНО О ФУНДУЗИ

Общий вид и план озера.

— Так вот, если окажется, что путешественник — человек порядочный, тогда проверят его открытие.

— Как проверять? Идут и смотрят?

— Ну нет. Это слишком сложно. Просто требуют, чтобы путешественник представил доказательства. Например, если бы открыл большую жору, камушек принесет с нее больше камушек.

А СЕНТ-ЭЗЮПЕРИ «Маленький принц».

справиться к озеру Фундузи и рассмотреть его действительно весьма сложно, в частности по причинам, далеки от науки: озеро расположено на территории расклеванной Южно-Африканской Республики, в горах Заутлансберг. Пришлось потрудиться, чтобы найти его хотя бы на карте. На большинстве сравнительно недавних карт ЮАР его не было, но на листе № 2230 «Мессина» геологической карты масштаба 1:250 000 озеро Фундузи красовалось в нижнем левом углу. После этого можно было переходить к непосредственному изысканию в... научных библиотеках и фондах. Вот что мне удалось узнать.

Видные южноафриканские географы Л. Кинг и Дж. Уэллтон лишь кратко упоминают об озере в своих капитальных трудах, но с их помощью были найдены ссылки на путешественников-ученых, побывавших на самом озере. Оказалось, что еще в 1917 году озеро посетил горный инженер Т. Дж. Тревор, в 1931-м — группа из Витватерсрандского университета под руководством Эдны П. Яниш, в 1940—1950 годах в этом районе работали геологические партии, материалы которых обобщил ученый О. Ван Иден, Х. Виссер, Дж. Ван Зил, Ф. Коэрце и Дж. Уэллс. Судя по опубликованным в печати отчетам этих путешественников, они не дали исчерпывающих ответов на все вопросы, связанные с озером Фундузи, и мы должны

считать эту проблему недостаточно исследованной.

Немного о географических названиях и терминах. Заутлансберг в переводе с африканского языка босва — означает «гора соляных плавов». В Южной Африке почти нет озер, постоянно заполненных водой, аравийские пересыхающие в сухой сезон водоемы называют «племни». Название Фундузи скорее всего дано коренным населением — народом баведа, уже не менее 200—300 лет населяющим этот район. В 1920—1930 годы озеро называли Фундуис и Фундуик. В издании 1957 года названо уже Фундузи. О трудностях точной транскрипции африканских географических названий говорит и то, что реку Мутали называют также Умтали и Мотале.

В отличие от плавов Фундузи — одно из немногих южноафриканских озер в названии смысла этого слова. Этим оно обязано гигантскому оползю, перекрывавшему долину реки Мутали. Эта долина образовалась вдоль древнего сброса, подвергнувшегося вплоть до новейшего времени комоложению. С неустойчивостью этой тектонической линии связаны частые оползни, один из которых и привел к образованию плотинного озера, миниатюрного прототипа нашего Серезского озера на Памире. Глухие шумы и треск, которые раздаются в период дождей, вызваны скорее всего небольшими оползнями в том месте и подводным. Роль водоупорного горизонта, по которому происходит сдвиг песчаников, выполнят глинистые сланцы, широко распространенные в этом районе.

Оползень — причина образования Фундузи — сложен из крупных песчаных галей размером до 6 метров. Сток из озера, судя по всему, подземный, через щели пустот в теле завала. Один из первых ученых, посетивших озеро, Т. Тревор, даже оценил на глаз утечку воды из озера в разгар сухого сезона в 100 кубических метров в час. На карте, составленной группой Э. Яниш, отмечено, что примерно в километре от завала и на 60 метров ниже уровня озера образуются три ручья, вскоре сливающиеся в одну реку, текущую по старой долине Мутали.

С характером стока тесно связаны колебания уровня озера. Судя по отчетам, эти колебания не имеют четко выраженного суточного периода, подобно морским приливам и отливам, а вызваны также и неравномерностью выпадения осадков. Достаточно выпала обильная дождя, и вода в озере за 3—4 дня может подняться 15—20 сантиметров. Сезонные колебания значительно больше и достигают 6 метров; во влажное время года площадь озера достигает 2 квадратных километра, в сухое — в четыре раза меньше. Плотина регулирует сток, но точный механизм его не выяснен. В принципе возможны и весьма резкие колебания уровня, вызванные неравномерностью стока через своего рода карстовые сифоны.

И, наконец, самая интересная проблема — таинственная, смертельная вода озера Фундузи. Химический анализ, проба для которого была взята группой Э. Яниш всего в полуторах метрах от впадения в озеро реки Мутали, не дала оснований ждать чего-либо необычного. Но тем не менее, при проведении следующих исследований наблюдались: 1) вода в озере неприятного специфического вкуса и резко отличается от чистой и свежей воды в реке Мутали; 2) рыба, обитающая в реке, практически отсутствует в озере — исследователи не смогли поймать ее ни на «дочку», ни в сети и даже не обнаружили остатков рыбы в помете бакланов, больших любителей рыбы; 3) кроме весьма скудного фитопланктона (мелких водорослей), водных растений не найдено; 4) замечен один крокодил, и обнаружены следы других на берегу; 5) сами берега весьма своеобразны и заслуживают специального описания.

Примерно в 17 метрах над уровнем воды проходит четко очерченная граница лесной растительности, простирающаяся вокруг всего озера. Ничего, примерно до 10—15 метров, растет лишь трава и редкий кустарник из ксерофитных (засухоустойчивых) видов. Еще ниже — до уреза воды — темно-коричневые скалы практически без растительности. Характерно, что именно таков уровень сезонного подъема воды озера в особенно дождливые годы — так утверждали местные жители — африканцы. Во время экспедиции Э. Яниш был тому свидетелем, утверждавший, что около 30 лет тому назад (то есть еще во время англо-бурской войны) уровень вод озера поднялся до линии древесной растительности. Но, не

собрал других свидетелей этого события, Э. Янни высказывает предположение, что за 30 лет вполне могли вырасти деревья и густой кустарник и что, возможно, в воде озера содержится какое-то вещество, отрицательно влияющее на плодородие прибрежной почвы.

В заключение немного этнографии, имеющей непосредственное отношение к озеру. Фундузи — священное озеро у народа бавенда; они не строят своих жилищ в виду озера и не пользуются водой из него. По старинным сообщениям, бавенда хоронят озеро, т. е. своих покойников. Язык, обычай, украшения бавенда отличаются от языка и обычаев других африканских народов ЮАР. В частности, питон (или питон) у бавенда священное животное (символ плодородия). Ритуальное танце питон дитас асо но — его танцуют юноши и девушки на обряде посвящения совершеннолетних. Сам питон находится под защитой табу; его можно убивать лишь для ритуала вызова дождей в особенно засушливые годы. Бавенда — народ, достигший высокой культуры задолго до вторжения колонизаторов. До наших дней в районе Луи-Триград, в долине Лиллопо, в междуречье Лиллопо — Замбеци сохранились развалины каменных сооружений и в оросительных системах. Построившие их, возможно, они были среди строителей Великого Замбека и их корни кроются в знаменитом кургане Мапунга, расположенном в долине Лиллопо на том же месте геологической карты, но это уже особая тема... Что же касается п. о. озера Фундузи, то, как мы уже знаем, можно принять гипотезу ленинградского инженера Е. А. Владимиров, согласно которой гибель людей объясняется сильными водоворотами, вызванными подземным стоком. К этому можно добавить, что, судя по рассказу о разливной воде в Мутали и озере, Фундузи, возможно, получает и подземное питание. В районе Звуптсберга отмечено много выходов минеральных источников.

На естественный вопрос: почему не проведены детальные исследования озера, — трудно дать исчерпывающий ответ. Фундузи находится в горной, на резко пересеченной местности, не используемой европейцами, захватывающими около 90 процентов всей территории ЮАР. Предположения Т. Треувинга, ставшие основой для догадки о существовании озера, пока не оправдались. В подробном путеводителе по Южной Африке за 1963 год детально описан район Луи-Триград и упомянуты другие в его окрестностях, но ничего не говорится об озере, дорог к нему так же не обозначено. В геологическом обзоре, изданном в 1955 году, говорится, что возраст озера и причина гигантского оползня точно не установлены, о запасах полезных ископаемых, экономически выгодных для разработки, также пока неизвестно. Может быть, поэтому у южноафриканских ученых не было чисто практических причин интересоваться озером, а может, нам попросту не известны новейшие изыскания. Как справедливо считают многие ученые, легче самому провести исследование, чем найти его результаты в огромном потоке специальной литературы...

В этих заметках я, насколько смог, дал объективную картину проблем, связанных с озером Фундузи. И не секрет, что в процессе изучения оно заинтересовало меня как географа. Действительно, чудесное озеро с богатой рыбой. Из берега обычно зовет засаженные африканцами. Например, вся зона Великих Африканских озер — одна из самых густозаселенных на континенте. А здесь, на засушливом севере Трансваля, берега озера пустыны, коренные жители здесь пользуются водой из него, хотя африканцы обычно пьют воду пресную воду (даже столь мутную, как ильяскал). По моему мнению, вода озера содержит примеси микроэлементов (например, бора или хрома). Кроме того, броуновый тид или амфибия, детеритера могли быстро привести к гибели молодого профессора, утомленного путешествием по бездорожью. Наш великий путешественник Прикавказский умер в расцвете сил, неосторожно выпив сорную воду из неизвестного источника. По поводу остальных тайн озера можно было высказано немало гипотез. С некоторыми из них вы можете познакомиться в опубликованном рядом выдержек из писем читателей.

Ю. ЛИПЦ,
кандидат географических наук

Одна из тайн озера заключается в том, что человек, искупавшийся в нем, обязательно умирает. Врачи и химикан известно, что соли хромовой кислоты в воде озера имеют исключительно доминирующее значение, а в этих местах есть залежи хромовой руды. Смерть после купания в озере связана тем, что концентрация солей хромовой и хромистой кислот в воде озера превышает допустимую. При большой концентрации солей хромовой кислоты образование раствора на кожу оказывает порожение ее — дерматит, язвы и тая далее, — а попадание раствора на слизистые оболочки и в желудочно-кишечный тракт вызывает сильное воспаление. Воспаление тонких кишков, в результате чего умер профессор Барнсайд, и было вызвано попаданием в него воды раствора этих солей.

Исчезновение воды из засушливых озеров обычно вызывается следующими обстоятельствами. Основу воду выкачали днем, когда ее температура была достаточно высокой. После того, как воду наливали в сосуд и закупоривали, она начинала улетучиваться. При этом способность растворять соли уменьшается. Известно, что в Южной Африке температура воздуха значительно

Озеро питают сотни ручьев и рек, в озере впадают реки Мутали. Куда же исчезает вся эта вода? Из озера ничто не вытекает? Элементарные познания по гидрологии подсказывают, что в среднем в средней широте достаточно, чтобы прийти к заключению, что имеется подводный сток воды озера. Вследствие этого уровень воды в озере остается более или менее постоянным. Подводная труба, отводящая воду из озера, вероятно, имеет солидный диаметр. При стоке воды, естественно, может образоваться область пониженного давления (воронка), и ничто удивительного нет в том, что смельчак Гендик Ван Блерк, плывя на каное, попал в воронку, не смог выбраться из нее и утонул в озере. Загадочный «инфтор» — область низкого давления — воронка

Уровни воды ежесуточно и равномерно колеблется в пределах полутора метров. Эта тайна озера известна всем синтетикам. Существуют также доподлинных самонаселенных бачков, построенных по принципу силоса, и некоторые при достижении определенных условий автоматически происходит сброс воды в море

На дне этого озера находится крупнейшие залежи радиоактивных веществ. Эти вещества растворяются в пресной воде озера — это сложная химико-физические реакции, в результате которых выделяется какое-то активные частицы вещества. В результате же

тельно понимается, при этом интенсивно облучается вода в озере. При охлаждении концентрированные растворов солей, в частности, в озере, происходит выпадение соли. Соли хромовой кислоты в воде озера имеют при выпаривании раствора или при охлаждении концентрированных растворов образуют кристаллогидраты — соединения, в которых молекула соли совместно с соединяемыми молекулами воды образует кристалл. Кристаллогидрат оседает на стенках сосуда, а уменьшение объема создает разрежение в сосудах, в результате чего сосуда постепенно заполняются воздухом. Хлопья, который охладил, ночью был услышан профессором Барнсайдом и его ассистентом Уильямом Танкером, был вызван тем, что один из бачков был запертым, а другой озеро плотно и только по разрежению в ней силосагого разрежения воздух смог в нее прорваться мгновенно, что и вызвало хлопок.

Такие озером, именно по утрам (то есть после холодной ночи) исследователи и обнаруживают отсутствие воды в сосудах. Не известно, что вода исчезла, хо-

ковку. Очевидно, по этому же принципу происходит наполнение озера («бачка») насыщенного воздуха, который и периодически изменяется его составом.

Самый интересный вид отравляющей, едва ли, чуждого цвета. Химический состав воды озера, вероятно, определяется под действием воды, выделенных ионизирующими, выделенными органического происхождения, которые поступают в озеро вместе с водной рекой и ручьями. Цвет воды определяется расцветом световых волн, падающих на нее. Это расцвет состава воды, размера взвешенных в ней неорганических частиц, органических организмов и пузырьков газа. Известно, например, что голубой цвет моря объясняется не только отложением голубого песка в воде, но и рассеиванием дневного света мелкими частицами, взвешенными в морской воде. Существует и явление, известное как «бачки» (местах) озера, в которых вода насыщается газом. Воды озера, в которых, сером небе имеет артезианский характер, можно объяснить наличием флуоресцирующей света.

Подводный слой этих частиц не является своеобразное магнитное поле с радиоактивными веществами, выделяется не несколько сильнействующих центров над территориями, в которых находятся полезных ископаемых, притом эти цент-

ты простым авиационным самолетом можно убедиться, что все сосуда с индикатором и без нее не изменился.

Причиной того, что после отвода воды из озера в тех же сосудах «исчезла» только третья половина является ухудшение условий теплообмена из-за осадка, в результате чего скорость охлаждения растворов становится более длительной.

«Пифон» является вымысловым племенем бавенда. Гибель фермера Гендрика Ван Блерка произошла по следующим образом. Он отплыл на каное от берега, противоположного тому, где впадает река Мутали. Пона Гендик плыл по той части озера, где всякая вода, все было благоухающим. Как только каное миновало в место озера, где подводная часть отвода разделяет впадение реки Мутали, Гендик попал в зону сильного течения воды в сторону «воронки» над подводными течениями. Именно в это место с потоком воды Гендик был затянут в подводный тоннель и погик.

Инженер
Е. ВЛАДИМИРОВ
г. Ленинград

В силу вымышленного становится понятным, почему вода озера Фундузи, насыщенная различными газами, различными частями, имеет чернильный цвет в озере и чернильный в отдухи «исчезнувшего озера».

Еще одно явление, отмеченное в статье о «исчезнувшего озера», легко объясняется с точки зрения физики. Охотник К. Вун, подвоя к самой воде, вынул шип из своей винтовки, но сразу не попал в главную часть кронодила. Известно, что свет, переходя границу вода — воздух, преломляется, поэтому и место прицела изображения кронодила не совпадает с действительным его местонахождением. Величина смещения изображения зависит от показателя преломления воды. Вероятно, показатель преломления воды озера был значительным, а это дало повод для смещения прицела, и охотник стрелял мимо цели.

М. ТАЛЧИНСКИЙ,
докцент кафедры физики
КТИИ имени
К. Э. ЦОКОЛЕВНОГО
г. Калуга

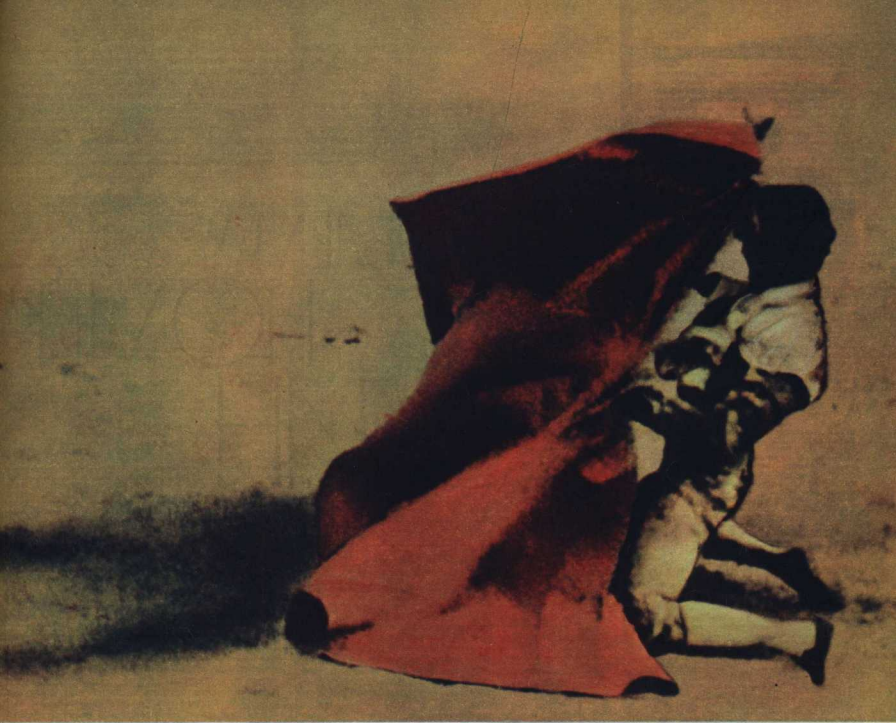
Ю. СОРМОВ,
внештатный корреспондент
газеты «Маяк»

«Он помнил тяжесть расшитой куртки в тот знаменитый майский день, когда его голос еще звучал одинаково на арене и в кафе, и как он направил острей клинка в покрытое пылью место между лопатками, щетиный черной бурой мышц за широко разведенными, мочуши, расщепленными на концах рогами, которые опустились, когда он приготовился убить, и как шлага вонзала, легко, словно в ком застывшего масла, а он стоял, нажимая ладонью оловку эфеса, левая рука наперекрест, левое плечо вперед, тяжесть тела на левой ноге,— и вдруг нога перестала чувствовать тяжесть тела. Вся тяжесть была теперь внизу живота, и когда бык поднял голову, одного рога не было видно, рог был весь в нем, и он два раза качнулся в воздухе, прежде чем его сняли».

Э. ХЕМИНГУЭЙ
«Рог быка»

Е. АЛЕКСАНДРОВ

КОРРИДА

Коррида не знает равнодушных. Одни страстно обожают ее, другие так же страстно осуждают. И тех и других много. Это зрелище, уходящее корнями чуть ли не в языческую старину, привлекает в середине XX века миллионы зрителей Испании и тех стран Америки, где говорят по-испански, прежде всего в Мексике. Что же такое коррида?

Испанское слово «коррида» (бег) так же мало объясняет суть дела, как и установившееся в русском языке выражение «бой быков». Ибо зрелище это заключается в поединке между быком и человеком. Исход поединка почти всегда трагичен. В финале под многотрубный апофеоз оркестра упряжка из трех лошадей влечет по белому песку арены опроложенный труп быка. Или тихая группа людей уносит на руках безымянное тело матадора.

Для многих эта атмосфера ожидания бесстрашия тореро¹ представляет себе нормду иностранные туристы, которые чуть ли не наполовину заполняют трибуны Мадрида и Мехико. Для них не важна пластичность движений матадора — мерой его

¹ «Тореро», он же «матадор» — главное действующее лицо корриды (от исп. *toro* — бык). Принадлежит по отечерной арии наименованию «Тореса» — «дору» является лингвистической ошибкой, укоренившейся в русских текстах XIX века.

успеха остается риск. Новичок и мастер рискуют одинаково — чем выше мастерство, тем ближе и выше работает матадор. А потому никуда, даже самая фирменная техника не принесет тореро чувства безопасности. Ликующая толпа обостряет тот, кто на ее фоне, в своем свое презрение и смерти. И она же, улыбаясь, втирает в лицо ему при всем своем мастерстве помнят, что и ему, смертному, известен страх. Впрочем, в этой толпе встретите тех, кто называет себя афишеном — истинными любителями и знатоком корриды. Говорят, афишеном не видят крови на арене и не замечают ничтожной массы изнуренных рогами лошадей. Они ценником поголоны тонким искусством матадором.

Для них матадор — прежде всего актер, исполняющий трудную роль требующую таланта и вдохновения. Доминика быка на арене накутся мелочными истощающими тореро слезой ярости. На самом деле управляет каждым шагом быка матадор. В первую же минуту поединка он должен понять характер и темперамент быка и выбрать именно тот напад прием, который заставит этого быка показать зрителям все, на что он способен. Поэтому афишенов до воспринимает корриду как героическое предельно опасное тореро во человека над животной яростью и животным страхом. Когда же обращаясь к их вниманию драматическую сторону корриды, они отвечают, что автогонщики гибнут гораздо чаще, чем матадоры, и что не бывает таких случаев, где бы лошади не ломали себе хребты.

Когда безстрашие — профессия, страх — профессиональная болезнь. Есть храбрость отчаяния, рискованное мужество азарта. Тореро не вправе уповать на случай. Он очень хорошо представляет, как выглядит его смерть. Им измерена до миллиметров та нить, которая обвивает его лодыжки.

Страх никогда не отпускает безстрашных.

Хуан Бельмонте, прославленный чемпион из матадоров писал в своем ежедневном пробуждении: «Страх ую здесь, со мной, в постели. Я начинаю отчаянно спорить с ним, и я шепчу: «Ну-ну, вот ты же. Ляжешь и не видишь, когда бык вылетит из твоих внутренних».

Бельмонте всем своим телом чувствовал, о чем пишет. Он выстраивал ему страх: не раз и не два он ощущал внутри себя безделье тореро острее. Лишь за один сезон он пятнадцать раз был вздернут на рогах быка.

Мануэте, другой великий матадор, признался: «Иногда я начинаю дрожать, когда я верюе вижу свое имя на афише. И они не перестают дрожать в течение всего вечера. Мануэте убили тысячу быков и еще четыре, пятый был из второй тысячи убил его».

Рафаэль Ортега, отвечая газетчику, как-то сказал, что танка овладевает им за два часа до переодания в сверхающий народ матадора. «А когда вы уже одеты — заинтересовался репортер, — когда я одет, то трушу в два раза сильнее».

Знаменитый Доминик неодиорат не бросал корриду, но снова, не успевая перед обаянием мимасарио, возвращался на арену. Ему платили, но в 36 лет он отверг все предложения и отбросил мундо.

Зачастую страх — это не только сильных полилонов сильнее, чем его страх перед быком. Тем более, что отгол от победившего быка — не только большой денежный штраф, но порой и заключение в тюрьму. Знаменитый матадор Лагартико в годы ученичества сотню раз проигрывал поединки быкам. На требующим, что он проводит больше времени в воздухе, чем на земле. Но его отчаянная храбрость уме тогда привлекла и немую внимание публики. Когда же другая молодая звезда Гутьерере, не смог скрыть от зрителей очевидный им страх, его прогнали с арены и посадили в тюрьму. Обман зрителей. Он предпочел самобуйство похоры.

Не без горечи писал о своей профессии Антонио Фунтес: «Следит репутация, выигрывается в том, что надо сохранить два вещи — репутацию и репутацию. Выигрывается сохранить жизнь, то терять репутацию. Если сохранить репутацию, растащат».

Коррида не знает равнодушия. И отнесится им страх, его прогнали с арены и посадили в тюрьму. Обман зрителей. Он предпочел самобуйство похоры.

Он безусловно заслуживает всех тех почестей, которые по праву принадлежат выдающемуся искусству и большого личного мужества.

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «СМЕНА»

НА УРОВЕНЬ ЗАКОНА

Можно только приветствовать появление статьи «Проблема номер один», поскольку она дает серьезный анализ положения в детском спорте и привлекла внимание к решению весьма сложных вопросов. Но, рассматривая проблему в целом, автор не останавливается на взаимоотношениях между физическим воспитанием, с одной стороны, и подготовкой спортсменов высокого класса — с другой.

В этом отношении пример Латвии особенно характерен. Республика занимает одно из ведущих положений по размаху массового физкультурно-спортивного движения. У нас на каждую тысячу жителей сейчас больше спортсменов-разрядников, чем в других республиках. Но и на прошлогодних пионерских играх и юнче — на Спартакиаде школьников — Латвия заняла весьма скромное место, пропустив вперед команды тех республик, где уровень массовой физкультурно-спортивной работы куда ниже нашего.

С точки зрения организаторов таких соревнований, мы проиграли, положение с детским спортом — у нас скверное. Но мы и не гнались за рекордами. Отказавшись от погоня за ними, мы

В статье «Проблема номер один», опубликованной в «Смене» № 6 за этот год, говорилось о серьезных недостатках в детском спорте. Речь шла о том, что «смена юнчек», которые занимается детским спортом, действуют вразброд, не выполняя своей главной задачи — воспитания человека, гармонически сочетающего высокие нравственные и физические качества. В связи с этим предлагалось создать массовую школьную спортивно-патристическую организацию.

Прошло почти полгода с момента публикации статьи. Отклики, поступающие в редакцию, свидетельствуют о важности поднятой проблемы, о крайней заинтересованности в ее решении и в ее скорейшем решении. Вместе с тем некоторые организации и ведомства, которых непосредственно касаются вопросы, поднятые в статье, хранят молчание.

гарантировали себя от уродования ребячьих душ. Я далека от мысли, что борьба за «место, за «бала» обязательно портит мальчика или девочку. Но она может способствовать такой трансформации. На это, в частности, указывала «Смена». Это доказывают и отдельные примеры из нашего практики.

Но есть еще один вопрос: как быть юнчим людям пополнил олимпийскую сборную, ведь Мелнико не за горами! Значит, нельзя снимать и вопроса о достижении высокого спортивного мастерства в раннем возрасте. Одновременно следует расширить материально-спортивную базу в школах, что способствует в первую очередь развитию физкультуры.

Не знаю, кто победит в споре: за физкультуру или за спорт. Но очевидно, что вот эта самая действительность в оценке — физкультура отдельно и спорт отдельно — главная причина всех бед.

Поэтому ни одна организация, ни одно объединение не способны решить вопрос, который ставит «Смена», до тех пор, пока физкультура и спорт не обретут государственные права. Точно так, как планируются у нас мероприятия в области культуры и здравоохранения, в народнохозяйственных областях страны должны найти свое отражение и мероприятия, связанные с развитием физкультуры и спорта.

Р. ЭЛСБЕРГ,
председатель Союза спортивных обществ и организаций Латвийской ССР

НЕЦЕЛЕСОБРАЗНО!

Массовая организация школьников, которую предлагается организовать «Смене», по сути своей весьма напоминает известные организации скаутов. Их появление за рубежом объясняется тем, что буржуазное общество не в состоянии увлечь молодежь большими и яркими общественно-политическими идеями — такие идеи чужды капитализму — и поэтому идет по пути объединения ее на основе разнородных идеологических, идеальных, увлечений: спорт, хорошее кино и т. д. Очевидно, что у нас где существует многолетний опыт комсомольца по воспитанию подросткового поколения, искать наивно-то имеем ос-

новым для создания массовой молодежи организации, ставящей перед собой задачи всестороннего развития личности, нецелесообразно.

Да и вообще можно ли рассматривать интерес и физическое развитие и спорт как определяющую задачу в формировании личности гармонически развитой личности? Разве исторический опыт не опровергает такую концепцию? Но разве не очевидно, что во всем мире в последние годы в главе угла формирования отдельной личности и общества в целом стоит не физическое, а интеллектуальное, нравственное и эстетическое развитие? Сегодня в комсомоле бо-

лее двадцати двух миллионов юной и девушек, объединенных вокруг единой великой идеи — строительства коммунизма. Это охватывает всевозможнейших друзей, в известном смысле специализированных объединений, молодежи на почве общей любви к спорту, искусству, науке, технике, но все эти объединения, во всех них в большинстве подобных объединениях, не может ни заменить, ни закончить собою комсомол.

А. МАРКУШЕВЧ,
вице-президент Академии педагогических наук РСФСР

(Начало смотри на 4-й странице обложки)

Придумали и нарисовали все это художники А. БАБАНОВСКИЙ, О. ТЕСЛЕР

О «СЕРДИТЫХ»

УПРАВДОМАХ

В свое время детские спортивные школы имели важное значение в развитии физкультурного движения. Сейчас эта форма спортивной работы с детьми нас не удовлетворяет.

Общая физическая подготовка должна охватывать всех или почти всех школьников. А организации школьных групп в спортивных обществах со своими узоспортивными целями часто порождают конфликты с задачами общеобразовательной школы.

Что же делать с подростками? По-моему, статья «Проблема номер один» правильно ставит вопрос. Надо создать спортивную организацию учащейся молодежи. За общефизическую подготовку детей в каждом микрорайоне должна отвечать школа — низшая ячейка этого общества.

Несколько слов о традиционной иронии журналиста в адрес управдомов, запрещающих футбольные соревнования во дворах.

А знаете ли вы, уважаемые товарищи, сколько денег тратят управдомы на восстановление вытоптанных клубов, поломанных деревьев, разбитых стеной? Добавьте к этому нормальные субботники — сорняки, соседские, всевозможные разбительства, — и тогда вы поймете, что спорт для управдомов — это тоже проблема номер один.

Мы после длительных дебатов пришли к такому решению: категорически запретить на улицах и во дворах игры в футбол и хоккей в больших старших пятого класса. У этих ребят повзросела сила, им нужен размах, требующий нормальных спортивных условий. Все имеющиеся в нашем распоряжении «пятнашки» оставлены в распоряжении малышей. Их мечи не столь опасны. Сейчас мы боремся за то, чтобы в каждой школе была своя спортивная площадка.

В летнее время мы устраивали выезды ребят за город, на пароход. На берегу проводили спортивные игры, купание. Все эти занятия имели пенсионеры-общественники. Честь им и хвала, но согласитесь, что и смешно и грустно смотреть на всплывающего дедаучку в трусиках, старающегося вспомнить свою молодость у вольной сетки, или на расплывающую бабушку, которая, заварив юбки, стоит в воде и кудачит, как насадка, но не знает, что делать с ребятами, упирающимися на стрелы реки.

Мне думается, с созданием школьной спортивной организации все бы встало на свои места.

В. ТУНОВО, председатель домового комитета гориндустриального управления г. Рыбинск.

ВОССТАНОВЬТЕХНИКУМЫ ФИЗКУЛЬТУРЫ

Полностью согласен со статьей «Проблема номер один». Но и после создания этого общества в городах и будут заметны сдвиги, то на селе едва ли. Причины? Первая и, по-моему, самая главная — отсутствие специалистов по физкультурно-спортивному. В Тарногском районе, Вологодской области, на 4 средних и 13 восьмилетних школ приходится всего 3 преподавателя физкультуры, имеющих специальное образование. А в Русско-Полянском районе, Омской области, нет ни одного специалиста. Не ожидается их и в этом году, так как Омский институт физкультуры из всего выпуска оставил в области всего пять (!) человек. Теперь всем ясно, что техникумы физкультуры закрыты напрасно. Считаю, что из-за нехватки специалистов пока целесообразно создавать на селе отделения детского спортивного общества. Лучше собрать все силы в один клуб в райцентре добровольного сельского общества «Урожай», где должна сосредоточиться вся работа спортивная и оборонно-массовая. В каждом райцентре должен быть отдел школьного спорта и военно-патристического воспитания.

В. РЫБИНСКИЙ, преподаватель Розовской школы-интерната Омская область.

«За» с оговоркой

Серьезный разговор о создании организации, которая призвана заниматься воспитанием гармонически развитой личности, заслуживает активной поддержки. Пора, давно пора приступить к конкретным делам в этом направлении!

Хочу оговорить одно, на мой взгляд, очень важное положение. В обсуждаемой статье предлагается при создании новой организации упредить все другие формы физкультурно-спортивной работы с детьми. В области оздоровительных мероприятий это верно. А вот ребята, которые покажут в новой организации выдающиеся спортивные способности, должны явиться пополнением детских и юношеских групп ДСО. Их необходимо сохранить.

Б. МАЙОРОВ, заслуженный мастер спорта, капитан сборной команды СССР по хоккею

СМЕНА • 1966

— это 2—3 романа и повести, 40 рассказов, 80 очерков и репортажей, 50 статей, интервью, фельетонов, 10 тысяч строк стихов, 500 фотографий, 24 сессии с нотами, 150 юмористических рисунков, 100 занимательных задач.

СМЕНА • 1966

— это заседание Дискуссионного клуба молодежи, начавшееся обсуждением вопроса «Что это такое — легкая жизнь?», материалы в рубрике «Борцы за великое дело», литературные портреты молодых мастеров литературы и искусства, А. Вознесенского, А. Баталова, Ю. Казакова, Р. Быкова, А. Петрова и других.

СМЕНА • 1966

— это новые произведения прозаиков Ю. Казакова, В. Давыдова, Г. Сенинова, А. Гладилкина, Л. Лиходеева, Ю. Семенина, В. Соколушкина, В. Кожечного, Н. Тарасенкова, Е. Шатко, В. Семина, А. и Б. Стругацких, А. Громова, А. Адамова, новые стихи Э. Мемеланиса, В. Кострова, Б. Слуцкого, А. Мемирова, В. Павлинова, И. Винищенкина, Т. Жиряунского, С. Нарочитова, Н. Матвеева, Я. Смелякова, Р. Маланова, Р. Рождественского, Е. Вишнукова, В. Цыбина и других.

СМЕНА • 1966

— это традиционные рубрики журнала: «Страница маленьких встреч», «Бумеранг», «Галерея шедевров», «Танцы XX века», «Альбом курьезов», «Заочные курсы умственной гимнастики».

СМЕНА • 1966

— это рассказы об удивительных научных открытиях и блестящих гонимых советских и зарубежных ученых, выступления о проблемах советского и зарубежного спорта, о физическом культуре молодого человека и об умении одеваться.

В 1966 году, как и прежде, «Смена» будет выходить ДВА РАЗА в месяц. Подписная цена на год — 4 рубля 80 копеек.

РЕДАКЦИЯ ОБРАЩАЕТ ВНИМАНИЕ ЧИТАТЕЛЕЙ, ЧТО ЖУРНАЛ «СМЕНА» БУДЕТ РАСПРОСТРАНЯТЬСЯ В ОСНОВНОМ ПО ПОДПИСКЕ И В РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖЕ ЕГО БУДЕТ ПРИОБРЕСТИ ТРУДНО.

Подписка на «Смену» принимается всеми отделениями «Союзпечати» и общественными распространителями БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ.

В МИРЕ КУЛИС

Фото А. ЛЕХМУСА

— Вы художники, и от нас во многом зависит успех спектакля! А то ведь, как бывает, творит плохо, а вину сваливает на нас. Так создайте актерам такую обстановку, чтобы им не к чему было придраться! — Главный художник ГАБТа Вадим Федорович Рышдин говорит воодушевленно, требовательно и с кокетством.

Здесь, в костюмерном цехе художественно-промышленных мастерских Большого театра, его внимательно слушают художники-мо-

дельеры, закройщики, портные, башмачники. Идет обсуждение костюмов и декораций и новому спектаклю сезона — опере В. Бриттена «Сон в летнюю ночь» по сценарию Николая Александровича Валуа, художника театра Ла Скала.

Вот костюм Титаниа, царицы фей. Режиссер-постановщик спектакля В. А. Иоркский подчеркивает:

— Главное, костюм должен быть необычным. Нельзя, чтобы зритель после спектакля сказал: Титаниа

была одета в голубое платье. Ведь это спектакль-сказка. А в этом костюме еще нет... Помните, в нем пока отсутствует аромат волшебного! В производственно-художественных мастерских Большого театра двадцать цехов. Работают в них около 500 человек, и в основном молодежи.

Когда-то оформлением театральных постановок занимались рабочие сцены, плотники, частные портняхи. Потом потренировались люди со специальным образованием. В 1932 году открылось среднее художественно-техническое училище. В 1934 году постановочный факультет школы-студии МХАТа стал готовить специалистов художников сцены с высшим образова-

нием. В 1962 году по той же специальности была открыта аспирантура. А в октябре 1985 года на правах вуза открылся филиал постановочного факультета для работников мастерских.

— Пожалуй, самая трудная профессия у нас, — говорит директор мастерских Дмитрий Тихомир, — это профессия портних. Иснующую работу наших молодых портних — Маргариты Тереховой, Юлии Смирновой, Тани Тулубовой — видели не только те, кто побывал на московских спектаклях Большого театра, но и за пределами страны. И нам приходится немножко. Но все,

кто пришел, почти всегда остаются на всю жизнь. Цех смычковых инструментов — это уникальнейшая, единственная в стране мастерская. Здесь работает знаменитая портниха: два старейших мастера — Георгий Алексеевич Морозов и Николай Михайлович Фролов и трое их учеников — Леонид Лясинин, Павел Шюцц и Виктор Сергеев. Это лучшие мастера Союза.

По-настоящему счастливые эти люди, работающие за кулисами: они приобщены к великому таинству — таинству сотворения искусства.

Л. ИВАНОВА

НА СНИМКАХ:

Молодая портниха Тана Тулубова.

Актриса Тамара Сивякская, участница спектакля «Сон в летнюю ночь», и ее закройщица Надя Сурина.

В живописном цехе трудятся над изготовлением гигантских декораций, а в буфеторском уже все готово к спектаклю.

Первая страница обложки: Здесь, в мастерских, занимают театральные звезды. Фото В. ТЮКЕЛА.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, А-15, Бульварный проезд, 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Для справок — Д 3-30-87; отдел литературы и искусства — Д 1-32-84; отдел очерка и публицистики — Д 3-31-03; международная линия — Д 3-31-50; физкультуры и спорта — Д 3-30-97; писем — Д 3-30-47; науки и техники — Д 3-31-89; студенческой молодежи — Д 0-49-98; информации — Д 3-31-69; формирования — Д 0-29-59.

Главный редактор В. И. Самохин.

Редакторы: К. К. Андреев, А. Д. Голубев [заместитель главного редактора], Е. А. Долматовский, К. Н. Замощин, Р. Ф. Казакова, Б. П. Кравеский [ответственный секретарь], А. С. Куликов, Е. И. Рыбченко, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник].

Оформление О. Безухова.

Технический редактор В. Ягодкина.

А 02065. Подписано к печати 20/IX 1985 г.

Тираж 900 000. Изд. № 1730.

Заказ 2332. Формат бумаги 70 x 108/16.

2 бум. л. — 5,48 печ. л.

Орден Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Рукописи не возвращаются.

Маршеобразно.

Однажды друг, мы выйдем за порог,
И долго или труден путь — неважно:
Заветная дорога из дорог
Нас к счастью приведет с тобой однажды.

за по - ро - г, и до - ло - г и - ли труден путь - неваж -

но: за - вет - ная доро - га из до - ро - г - нас

к сча - с - т - ь ю приве - дет с то - бой од - на - ж - да - ды.

за - вет - ная до - ро - га из до - ро - г - нас

к сча - с - т - ь ю приве - дет с то - бой од - на - ж - да - ды.

КОНЕЦ

ОДНАЖДЫ

Слова
В. СЕМЕРИНА
Музыка
А. ФАТТАХА

Однажды друг, мы выйдем за порог,
И долго или труден путь — неважно:
Заветная дорога из дорог
Нас к счастью приведет с тобой однажды.

Однажды будет вечер голубой,
Хотя его заметит и не каждый,
Но в этот день нам встретится любовь,
А день такой бывает лишь однажды.

Однажды мы узнаем, что сердца
У нас с тобой открыты и открыты,
Что можем мы бороться до конца
И даже жизнь свою отдать однажды.

Давай же, друг, мы выйдем за порог,
И долго или труден путь — неважно:
Заветная дорога из дорог
Нас к счастью приведет с тобой однажды.

К Р С С В О Р Д

По горизонтали:

1. Валет А. Адана.
2. Марка советской электронно-вычислительной машины.
3. Спортивная игра.
4. Порт на Атлантическом побережье Африки.
5. Город в Югозападной Европе.
6. Норма тишины на определенном сроку.
7. Минеральный источник в составе вулканических пород.
8. Столица латиноамериканского государства.
9. Роман О. Гончара.
10. Белорусский поэт, журналист, писатель.
11. Революционный институт металлургического завода.
12. Русский композитор.
13. Мера земельных площадей.
14. Композитор, автор балета «Тропический гром».
15. Промышленный город на севере Италии.
16. Пресноводная рыба.
17. Помещение для овец.
18. Прозрачная субстанция для чернения.
19. Главная часть Пандитана.
20. Общественный деятель Индии.
21. Журнал Международной Ленинской премии.
22. Современный немецкий писатель.
23. Денежная единица, лежащая в основе денежной системы страны.
24. Периодическое печатное издание.
25. Город в Азербайджане.
26. Нелетающая птица.
27. Старая русская мера длины.
28. Глубокая речная долина.
29. Часть металлургического завода.
30. Растение семейства гвоздичных.
31. Приток Амазонки.
32. Столица союзной советской республики.
33. Столица европейского государства.

По вертикали:

1. Футляр для револьвера.
2. Французский писатель, лауреат Международной Ленинской премии.
3. Угледорог, применяемый в промышленности пластмасс и синтетического каучука.
4. Автор слов песни «Три танкиста».
5. Чугунноколесная повозка.
6. Помещение, судение, подтверждение практикой, опытом.
7. Атмосферное явление.
8. Павел народный артист СССР.
9. Композитор, автор оперы «Дон Жуан».
10. Баргина В. Г. Перова.
11. Советский писатель.
12. Гимнастический снаряд.
13. Река в Африке, впадающая в озеро Виктория.
14. Вид монетных работ.
15. Ценная промысловая рыба.
16. Здание городского самоуправления в европейских странах.
17. Приправа в кулинарии, пряность.
18. Спортивное оружие.
19. Домашнее животное.
20. Назв. 31. Город, где жил и работал К. Ф. Циолковский.
21. Крепкий союзник.
22. Остаток сооружения, здания.
23. Платан.
24. Подлесная осветительная арматура.
25. Немецкая писательница, лауреат Международной Ленинской премии.
26. Рыба, разновидность подлещика.
27. Водоросльная охрана.
28. Приток Амура.
29. Опера Ж. Массне.
30. Голландский мореплаватель XVII века.
31. Попутный ветер.
32. Герой одного из произведений А. С. Пушкина.

Составил
Е. ТИХОНОВ
г. Ростов-на-Дону
В каждую клетку
этого
крестоворда
вписывается
по две буквы.

1	2	3	4	5	6
	7		8		
9	10	11	12	13	14
15	16	17	18	19	20
	21		22		
23	24	25	26	27	28
29	30	31	32	33	34
	35		36		
37	38	39	40	41	42
43	44	45	46	47	48
	49		50		
51		52		53	

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 18

По горизонтали:

1. Чернышев.
2. Каллисто.
3. Котур.
4. Торт.
5. Ботен.
6. Мордабаб.
7. Овни.
8. Бизе.
9. Марциановичес.
10. Барс.
11. Осло.
12. Отпуснички.
13. Очерк.
14. Прием.
15. Раббей.
16. Виноград.
17. Воробей.

По вертикали:

1. «Геновева».
2. Векуа.
3. Порт.
4. Ласт.
5. Лимон.
6. «Стрелова».
7. Тредьяковский.
8. Донизетти.
9. Вагнерий.
10. Ноанс.
11. Влюдо.
12. Вабочкин.
13. Глинозем.
14. Триод.
15. Дамба.
16. Плат.
17. Моор.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
В
ВЕЛЕНА
И
БУТКИ

ОКОНЧИТЬ НА СТРАНИЦЕ 34